

Галина Польшская

Страна непуганых
невест

Иронический детектив. Сена и Тая

Галина Полинская

Страна непуганых невест

«Автор»

2003

Полынская Г.

Страна непуганых невест / Г. Полынская — «Автор»,
2003 — (Иронический детектив. Сена и Тая)

Если ты работаешь журналистом в бульварном издании и при этом имеешь вредного начальника, который так и норовит поручить тебе какое-нибудь дурацкое задание, - считай, жизнь твоя не удалась. Бежать бы от нее! Но куда бежать, если ненавистная работа - единственный источник мало-мальски приличного дохода? Сена Зорина - журналист третьесортной газетенки "Непознанный мир". Однажды противный начальник поручает ей написать репортаж о двух случившихся недавно происшествиях - убийстве банкира Дмитрия Величковского и самоубийстве известной молодой актрисы Милы Розовской. Дотошная журналистка приступает к расследованию, ей помогает верная подруга Тая. Девушки суют свои носы куда их не просят и докапываются до сенсации! Но, оказывается, вынюхивать и высматривать чужие тайны - дело не только увлекательное, но и смертельно опасное...

© Полынская Г., 2003

© Автор, 2003

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	7
Глава третья	10
Глава четвертая	14
Глава пятая	20
Глава шестая	25
Глава седьмая	29
Глава восьмая	34
Глава девятая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Глава первая

Однажды в пятницу я проснулась утром и поняла, что на работу не пойду, даже если меня за это казнят. Я лежала в кровати, смотрела какую-то глупость по телевизору и отчаянно хотела сделать кому-нибудь гадость. Без разницы какую, лишь бы гадость. Все равно кому. Я понимала, что это ужасно, сама мысль кошмарна, но поделаться ничем не могла ни с собою, ни со своими гадкими мыслишками. Самое противное – я не понимала, что происходит и с чем это связано! Мне просто отчаянно хотелось сделать кому-нибудь гадость. Если бы я знала, что эту гадость уже сделали... причем мне... И какую гадость.

В понедельник я из последних сил все же выползла на работу, в редакцию газеты «Непознанный мир». При всей своей ненависти к желтой прессе, я выдумывала «сенсационные» статьи и была журналистом этой дешевой, гнусной газетенки, выходящей на желтоватой бумаге с препротивнейшим качеством печати и полиграфии. Меня при полном отсутствии высшего образования и невероятной страсти к сочинительству и писанине, больше никуда не брали. Вот и мучилась дурью второй год в душном тесном кабинете с плохим обшарпанным столом и старым позорным компьютером.

Так вот, присела я за свой стол без единой мысли в голове и начала передвигать с места на место стопки и пачки всякого хлама валявшегося на вышеупомянутом столе. Не хотелось ничего, даже курить. Машинально выдвинув нижний ящик, я замерла. Там лежала небольшая серая картонная коробочка. Я удивилась, коробочку открыла и опешила: на бархатной подушечке лежала отрезанная голова вороны. Птичий клюв был слегка приоткрыт и в нем виднелся маленький язык... В глазах моих потемнело, я бросила подарок обратно в ящик и понеслась в уборную, сметая все на своем пути. Только один раз мне было так плохо в организме, когда я отравилась импортным майонезом.

Когда у желудка больше не осталось никаких аргументов, я доползла до раскрытого окна и глубоко вдохнула холодный мартовский воздух. И увидела, как по дорожке идет моя расчудесная приятельница Тая. Я совершенно забыла, что мы договорились встретиться ближе к обеду. Подруга маялась в несвоевременном отпуске и от нечего делать регулярно приезжала ко мне в редакцию и принималась нудить одно и то же: «Зачем меня отправили в отпуск в марте? Кому нужен такой отпуск? Может начальство вообще хочет от меня избавиться?»

Увидев меня в окне, Тая помахала рукой, я вяло махнула в ответ. Вскоре раздались шаги на лестнице, подруга вплыла в редакцию.

– Привет, Сена! – она осеклась, увидев выражение и цвет моего лица. – Что-то случилось?

– Ты представляешь, какая-то гадина в мой стол воронью голову подбросила. – При одном только воспоминании о клюве и языке, желудок снова скрутило морским узлом.

– Настоящую? – вытянулось Тайкино лицо. – Живую голову?

– А-а-а-а... – выдавила я и снова бросилась в уборную.

Коллеги, перепуганные моим самочувствием, долго искали минералку по всем кабинетам, но ничего, кроме полбутылки водки и трех бутылок пива так и не нашли. Рассказывать им про ворону мне не хотелось – замучили бы вопросами, домыслами, в конце концов, еще и статью бы состряпали: «Кошмар!!! Москвичам подбрасывают птичьи головы!!!»

Более мужественная Тая выбросила проклятую голову вместе с коробкой, даже протерла ящик тряпочкой по моей просьбе. Но я все равно была уверена, что этот ящик больше выдвигать не стану и складывать в него ничего не буду, такая уж я девушка нервная и чувствительная.

Из строя я вышла не только физически, но и морально, поэтому шефу ничего не оставалось, как выпустить меня на волю.

– Пойдем попьем где-нибудь кофеек, что ли? – предложила подруга, когда мы вышли из редакции. – Здесь кафешка есть неподалеку, там дешево.

– В центре города и дешево?

– Сама удивилась. Слушай, Сена, у вас в редакции шеф сменился, что ли?

– Ага. И откуда только этот дракон выискался? Бывают же такие люди отвратительные! С предыдущим толстым, милым, ленивым всегда можно было договориться и свинтить домой пораньше или вообще взять работу на дом. Он хоть отдавал себе отчет в том, что газета наша откровенная дрянь и нечего симулировать глобальную важность процесса. А этот горбун из Нотрдама прямо как мухоморов объелся! Как только заступил на вахту, так всех немедленно принялся строить и муштровать, а наш вальяжный коллектив работать не привык, мы страдаем от такого насилия. Далекое еще до твоего кафе?

– Все, пришли уже.

Мы свернули во дворик, там сиротливо жалось сооружение, размером чуть больше гаража, надпись при входе гласила: «Кафе-бар «Констанция».

– О-о-о! И как только ты раскопала такое шикарное заведение?

– Там вкусно и недорого.

В крошечном зальчике вместились четыре столика и барная стойка. Посетителей кроме нас не оказалось. Я уселась за столик, а Тая отправилась к печальному бармену делать заказ. Перед глазами на мгновение возникла птичья голова, и я быстренько переключила мысли на другую неприятную тему – нового шефа. Тая принесла кофе, бутерброды, пару пирожных.

– Давай, Сенка, выговаривайся, я ж вижу, тебя так и распирает.

– Еще бы. Представляешь, этот трижды разведенный неврастеник должно быть решил вывести «Неопознанный труп» на мировой рынок прессы и отхватить какую-нибудь Пулитцеровскую премию! Ему показалось мало бреда об аномальных явлениях, он решил еще и криминал приплести, будем кровавые гадости описывать, причем, псих требует реальных репортажей с цветными фотографиями. Да если я поеду снимать какую-нибудь кровавую драму и увижу «пострадавшего, со следами насилия на лице и теле», я ж рядом брякнусь, одним трупом больше станет.

– Да ладно тебе, это он по началу зверствует, а потом перебесится, успокоится, и будете свою чушь про инопланетян и вампиров писать, как писали, чинно и благородно.

– Хотелось бы верить.

Глава вторая

Но он не перебесился. Гадкий начальник Конякин Станислав Станиславович продолжал зверствовать. Самое невинное опоздание вызывало у него нервный тик по всему лицу, любимое занятие коллектива – перекуры, он ненавидел и всячески пытался пресечь, а уход домой пораньше минут на десять, вообще рассматривался, как должностное преступление. Коллектив мучился и страдал, страдал и мучился. У меня же такое насилие вообще отшибло все вдохновение, и статья о снежных людях загнулась в зачаточной стадии.

– Так! – от этого визгливого восклицания всех подбросило. Шеф выскочил на середину кабинета и заметался по кругу. Кипучая творческая энергия не давала ему стоять на одном месте, посему Конякин постоянно бегал, двигался, шевелился, чем безумно всех раздражал.

– Что с тобой вчера было, Сена?!

Он в упор уставился на меня горящими глазами, под таким рентгеном соврать захочешь – не сможешь.

– В мой стол подбросили птичью голову, – нехотя ответила я, и весь наш бравый коллектив немедленно побросал все свои дела, и развернулся ко мне, шевеля ушами от внимания.

– Кто подбросил?

– Не знаю.

– Напиши об этом!

– Не буду! – пошла я напролом. Не так уж сильно я дорожу этой восхитительной работой.

Столько нынче желтых помоечных газетенок развелось! Куда-нибудь приткнусь! Не пропаду!

– Не буду я писать про эту гадость! Как вспомню, так тошнит!

– Так! – С. С. закружился, окидывая пламенеющим взором молчаливый коллектив. – А кого не тошнит написать об этом и получить дополнительный гонорар?

– Меня! – выпалили все, включая художника.

Надо же, с какими предателями работать приходится.

– А ты, – подскочил антихрист к моему столу, – поедешь делать криминальный репортаж! Фотоаппарат я тебе дам! И диктофон!

– А... а... а...

– Или пиши заявление об уходе!

– А... куда и когда, хотела я спросить.

– Жена с любовницей мужика пристукнули.

– А любовница чья? – продемонстрировала я мгновенное вникание в ситуацию.

– Мужика, разумеется, не жены же!

– А жена чья?

– Тоже мужика! Что не понятного-то а?!

– Все понятно, все ясно! Куда ехать?

– К покойнику домой. Любовница в следственном изоляторе, жена дома под подпиской о невыезде, ей пока никаких обвинений не предъявляли. Поезжай, поговори с ней, проведи журналистское расследование.

Я из последних сил сохраняла пристойное выражение лица. Журналистское расследование... господи, ужас-то какой! Я ж ничего в этом не смыслю!

Конякин снабдил меня допотопным фотоаппаратом-мыльницей, не менее древним диктофоном, обрадовал, что фотопленку я буду покупать на свои деньги, накарябал адрес вдовы-убийцы, и выкинул за порог редакции. Униженная и оскорбленная я поплелась домой.

И дома сразу же позвонила Тае.

– Я слушаю! – важно ответила она, вместо привычного «алло».

– Чего это ты? – удивилась я.

– А, Сенка, привет. Просто мне один молодой человек должен позвонить...

– Да-а-а? Где ты его взяла?

– В метро познакомились.

– Катимся все ниже и ниже?

– А что такого? Чем не место для знакомства? Люди находят друг друга и в автобусах, и в магазинах.

– Ну-ну, удачи. А у меня вообще страх и ужас творится. Безумный шеф послал меня на криминальное задание. Чего боялась, на то и напоролась!

– Да? – оживилась Тая. – И куда? Что за преступление?

Я рассказала, что знала и подруга возбудилась еще больше.

– Ух, ты! А можно я с тобой поеду? Тоже журналисткой прикинусь.

– Как раз хотела попросить тебя об этом.

– Заметано! Когда едем?

– У меня есть ее телефон, надо позвонить, договориться, неизвестно, захочет ли она вообще со мной разговаривать, – я развернула бумажку и прочла вслух: – Величковская Инесса Юрьевна...

– Как ты сказала? – насторожились подруга. – Величковская? Та самая Величковская, которую чуть не обвинили в убийстве собственного мужа, а потом повесили все на любовницу?

– А ты откуда об этом знаешь?

– Ты что, телевизор не смотришь? Вторую неделю новости только об этом и талдычат!

– Я новости не смотрю, там все время такие ужасы передают, что жить не хочется. Такое впечатление создается, что в мире кроме катастроф, убийств и похищений ничего не происходит. Так что там про эту Величковскую?

– Давай я сейчас приеду к тебе и все расскажу! Захватить чего-нибудь съестного?

Перед глазами возникло пустое холодильное нутро с бутылкой заплесневелого кетчупа на дверце и старыми пельменями в морозилке.

– Не стоит, не траться, что-нибудь сообразим.

– Чего соображать, у тебя в холодильнике наверняка опять мышь повесилась. Я привезу, отпускные еще не все растратила.

– Хорошо.

Ожидая подругу, я включила телевизор, рискнув так посмотреть новости в интересах репортажа. И понеслось с первых же кадров: убийства, взрывы, наводнения, террористические акты, горы трупов, дома без света и воды, и в финале капустника похолодание и снегопад. Про Величковскую ни слова, настроение подпорчено – вот и весь результат. Выключив противный ящик, поискала любимую кассету, не нашла, включила радио.

Вскоре в дверь поскреблась Тая. Она привезла шикарный продуктовый набор, с бутылкой муската включительно. Пока я нарезала сыр, ветчину, вскрывала паштеты, она деловито распечатала бутылку и разлила вино по бокалам.

– Давай, рассказывай. Раз уж буду проводить журналистское расследование, надо знать, в чем суть дела, хотя бы приблизительно.

– Значит так, – она глотнула вина и потянулась к ветчине, – Дмитрий Величковский был владельцем банка «Номинал», его рекламу все время по телеку крутят, и какой-то еще пейджинговой компании. Я так подробно обо всем знаю, потому что зампредша нашего банка была его первой женой. Она его так сильно ненавидит, что готова делиться наболевшим со всеми и каждым. По ее словам, она сделала из Величковского человека, он всего добился только благодаря ей, а как только встал на ноги, так сразу стал гулять направо – налево не скрываясь. Она это терпела, глотала, а он вскоре вообще ее бросил. Женился то ли на парикмахерше, то

ли на массажистке, не помню точно. Этот брак долго не просуществовал, он переметнулся к следующей юной невесте, а потом ко второй, третьей... По словам зампредши, женат он был раз двадцать и каждой супруге отваливал щедрые отступные. Так что, в принципе, никто на него не в обиде, а сам он далеко не Микки Рурк, навряд ли пристукнули его из-за всепоглощающей страсти.

– А конкуренты-бизнесмены? Сейчас всяких банкиров да депутатов как зайцев отстреливают.

– Нет, там какое-то совсем тухлое дело, вроде бы убили его дома, и в квартире находились только жена его и любовница. Обе пьяные.

– А жену почему отпустили?

– Сен, я не помню всех подробностей этого дела, и всего наверняка по телевизору не скажут. Ты звони ей давай, может, сегодня и поедем.

Я приволокла телефон на кухню, набрала номер и затаила дыхание, надеясь, что вдовы не окажется дома.

– Да?

– Инесса Юрьевна?

– Да.

– Здравствуйте, вас беспокоят из газеты «Неопоз...» «Непознанный мир», – затарахтела я противным голосом, – мы хотели бы...

– Приезжайте, – и в трубке запищали гудки.

– Ну? Что? – поинтересовалась Тая.

– Сказала, чтобы приезжали.

– Поехали! Чего ждем?

Глава третья

Одевшись потеплее, попримечнее, мы прихватили фотоаппарат, диктофон и поехали на станцию метро Крылатское. Местом жительства вдовствующей Инессы оказалась шикарная многоэтажка с видеокамерой при входе.

– М-да-а-а... – расстроилась Тая, запрокидывая голову и тоскливо созерцая великолепное строение. – Опять я чувствую себя чужой на этом празднике жизни...

– А я креплюсь, истерика начнется, когда попаду в квартиру. Ты представляешь, какие там квартиры?

Подруга что-то невнятно буркнула и принялась сердито тыкать в единственную кнопку на входной двери.

– Вы к кому? – раздался мужской голос неизвестно откуда.

– К Величковской Инессе Юрьевне, – отрапортовалась я, глядя в камеру, – мы журналисты, она нас ждет! Мы договорились!

После продолжительной паузы что-то где-то щелкнуло, дверь загудела. Встретил нас охранник в камуфляже и довольно приветливо проводил к лифтам. Мы старались удерживать рты закрытыми и не таращиться в изумлении на отделанный мрамором вестибюль, увитый живыми цветами и зеленью. Увидав кабину лифта, мы совсем загрустили: зеркала, мягкие узенькие диванчики вдоль стен...

– Какое буржуйство! – в сердцах отрезала Тая. – Ни в жизни не поверю, что можно честным путем заработать денег на квартиру в таком доме!

– Ну, можно, например, выйти замуж за банкира, а потом его убить, – утешала я подругу, – и не обязательно вообще работать.

Кабина остановилась на восьмом этаже, и мы вышли на площадку. Ковровое покрытие, картины на стенах, цветы... с ума прямо сойти можно!

– Может, снимем парочку? – Тая присматривалась к пейзажам в отличных рамках. – Как ты думаешь, это подлинники?

– Ага, Суриков и Айвазовский. Пойдем уже.

У двери, оббитой белой кожей с номером 320 мы остановились, и я позвонила. Не раздалось ни звука, но вскоре все-таки донесся едва слышный голос:

– Кто?

– Журналисты из газеты «Неопоз...» «Непознанный мир!» – Почему, когда я волнуюсь, голос мой становится похож на верещание ярмарочного Петрушки?

Дверь немного приоткрылась, и мы протиснулись в просторную темную прихожую.

– Проходите.

Высокая фигура в длинном до пят халате медленно удалялась прочь. Мы разулись, пристроили куртки на какие-то несусветные вешалки и последовали за хозяйкой. Я старалась не смотреть по сторонам, чтобы не забыть, зачем я вообще сюда приехала... Проживание в подобных хоромах, когда у пенсионеров такая маленькая пенсия, уже преступление перед «дорогими россиянами!» Инесса завернула в небольшую уютную комнатку – нечто вроде будуара из кинофильмов про всяких там изнеженных Анжелик и Помпадуров. Единственное, что не вязалось с «декорациями к кинофильму», была плотная завеса сигаретного дыма и устоявшийся запах перегара. На низеньком столике с витыми ножками красовался самый настоящий свинарник: бутылки пустые и полные, объедки, переполненная окурками пепельница, коробочки с таблетками... в общем, полный праздник жизни. Инесса тяжело уселась в креслице рядом со столиком, и мы получили возможность, как следует ее рассмотреть. Тонкое бледное личико с большими золотисто-кариими глазами, стройная фигурка, упакованная в бледно-сиреневый

шелк халата и чудесные светло-русые, почти блондинистые волосы, ниспадающие крупными локонами до самой груди. Девушка оказалась молоденькой и симпатичной, но запавшие глаза с черными кругами, погасший взгляд и спутанные волосы, пару дней не выдавшие расчески, портили картину. Не дождавшись, пока нам предложат присесть, мы расположились на мягких «игрушечных» табуреточках, я вытащила из сумки диктофон и посмотрела на Таю, не зная, с чего начинать свое блестящее интервью. Подруга же рассматривала нишу в стене: в уютном, задрапированном бело-голубой тканью гнездышке, виднелась чудесная кровать, и вели к ней три ступеньки, и кроме этого Таю больше ничего не интересовало. Я снова была брошена на произвол судьбы. Инесса не обращала на нас ровным счетом никакого внимания, она щедро плеснула в большой мутный бокал коньяка, вытряхнула из пачки сигарету и закурила, глядя неподвижными остановившимися глазами прямо перед собой. Я откашлялась, напоминая о нашем присутствии, Инесса подняла глаза, но все равно смотрела куда-то сквозь меня.

– Чего вы хотите? – едва слышно произнесла она и стряхнула сигаретный пепел на ковер.

– Все знать, – наконец-то пришла на помощь Тая. – Расскажите, что случилось?

– Его смех удивительным образом напоминал стук в дверь, стук быстрый, громкий и наглый... – медленно и глухо начала Инесса, не глядя на нас, казалось, она разговаривает сама с собой. – Когда ему бывало весело, я невольно порывалась в прихожую посмотреть, кого еще нелегкая в дом принесла?

Тая ткнула меня в бок, я опомнилась и включила диктофон.

– Меня бесило в нем абсолютно все, даже зубная паста, которой он с завидной тщательностью надраивал свои зубы. Я его ненавидела, но не убивала. И Алиса не убивала. Я случайно с нею познакомилась, просто вернулась домой на день раньше, а она тут. Его ждет.

Мы слушали, раскрыв уши на всю катушку. Девушка находилась будто в трансе и говорила без выражения и интонаций, время от времени механически отпивая из бокала и поднося к губам сигарету. Коньяк она пила как кока-колу.

– Мы разговорились. Я так давно ни с кем не говорила. Меня так давно никто не слушал!

Инесса ударила рукой со стаканом по подлокотнику кресла, коньяк выплеснулся ей на халат, но она этого не заметила.

– Я все рассказала Алисе, про то, как его ненавижу, что больше не могу так жить, что мне уже и деньги никакие не нужны... Алиса все поняла, все-все...

С каждым словом этого плохо вменяемого существа с остановившимися стеклянными глазами, мое желание сбежать из этого чудесного дома, прихватив диктофон и Таю, становилось все сильнее.

– ...она наполнила ванную, расставила свечи, бросила в воду цветы... было так хорошо... Алиса не убивала... она была со мной, в ванной, потом вышла за шампанским, а он там... лежит... горло... кровь везде... Алиса не убивала, у меня нет никого, кроме нее... Я с ней случайно познакомилась, случайно познакомилась...

Она так механически повторяла про случайное знакомство, что случайность этого знакомства уже ставилась под сомнение.

– Я не хочу дальше... я не хочу умирать...

Тая неловко двинула тазобедренным суставом и игрушечная табуреточка под нею скрипнула. Инесса вздрогнула, вышла из столбняка и в ее глазах мелькнуло нечто осмысленное.

– Вы кто?

– Да так... – умильно заулыбалась подруга, вскакивая на ноги и сдергивая с соседней табуреточки мою персону, – никто. Уже уходим. До свидания!

Не обращая внимания на мое недоумение, подруга понеслась прочь, безошибочно отыскала верную тропу, воткнула меня в ботинки, пихнула в лапы одежку, распахнула дверь и выскочила на площадку, волоча меня за собой и приговаривая:

– Давай скорее! Шевели обрубками, чукча безногая!

– Ну, чего ты? В чем дело? – я пыталась не отставать, куртку не потерять, на развязанные шнурки не наступить. – Почему не на лифте?

Тая проскакала еще пару этажей и остановилась, тяжело дыша:

– А ты хотела, чтобы эта ненормальная, обдолбившаяся, пьяная вдовушка пристукнула нас прямо там?

– Да с чего ты это взяла? – набросив куртку, я зашнуровала боты. – Она только-только в сознание пришла, много интересного могла бы рассказать...

– Кухонным ножом по горлу! На столе, кроме бутылок, куча всяких таблеток, антидепрессантов и самый безобидный из них – «прозак»! Ты только представь, что у мадам с крышей, если она ест такие таблетки, запивая коньячищем? Да она полчаса за жизнь бредила, а потом вдруг заметила, что в комнате не одна! Сена, я так не согласна! Я девушка нервная...

– Психически больная! – сердито закончила я. – Надо скорую было вызвать, вдруг ей плохо станет, а ты понеслась, будто на муравейник села. Еще чукчей безногой обозвала!

– Я испугалась, – примирительно вздохнула подруга, запаковываясь в куртку и, как ни в чем не бывало, вызывая лифт, – у нее такие страшные глаза были. Пойдем, пойдем отсюда, дружочек, я помогу тебе наврать про это журналистское расследование от начала и до конца, приедем домой и сразу же приступим... Ну, чего ты стоишь?

– Наврать, говоришь? А зачем тогда вообще надо было сюда ехать? Сочинили бы всё, не выходя из дома и дело в шляпе.

– Что ты предлагаешь? – Тая подняла воротник куртки и надвинула капюшон до самого носа.

– Раз в жизни появилась возможность проверить самое настоящее журналистское расследование, вообразить себя настоящим журналистом из умной газеты, написать репортаж, не взятый целиком и полностью с потолка, а...

– Я поняла, – вздохнула подруга. – А кто недавно трясся от ужаса при одной только мысли о расследовании?

– Уже не трясусь, мне понравилось.

– А мне нет!

– Никто не неволит. Иди в свой банк, садись за стол и перекладывай бумажки с места на место, а я хочу настоящей жизни. Чтобы события круговоротом!

– Ты не боишься, что тебе голову дверью прищемят? Случайно?

– Всего бояться – не надо из-под одеяла вылезать!

В результате дискуссии, мы основательно поругались и к метро шли порознь, на значительном расстоянии друг от друга. Но в метрополитене пришлось начинать общение: у меня не оказалось десяти рублей на карточку.

– Да-а-а, много ты нарасследуешь с таким финансовым положением, – позлорадствовала Тая, становясь в очередь в кассу. – Разговоры со свидетелями, родными и близкими покойного предполагают передвижение по городу, а это не бесплатно. Все, поехали домой, я котлет нажарю...

– Ешь сама свои котлеты! Подруга называется! Я еду в редакцию, потребую у шефа на транспортные расходы! Всё, прощай!

– Стой! – она дернула меня за куртку и я едва не ляпнулась на эскалатор. – Я поеду с тобой и попытаюсь на него повлиять, убедить, что журналистское расследование способно основательно навредить следствию, и вообще всей вашей газете по шапке дадут, если будете лезть, куда не просят.

– Повлиять на нашего шефа? Милая моя! Поехали! Повлияй, родная моя, повлияй!

Спрыгнув с эскалатора, мы поспешили к подошедшему поезду. Ввинтившись в переполненный вагон, мы оказались лицом к лицу и продолжили упражняться в злословии.

– Я так поняла, ты заранее уверена в моей неспособности доступно и внятно объяснить твоему начальнику неправомерность его действий?

– Таечка, да ты милиционер?! – я в притворном ужасе выкатила глаза. – «Неправомерность действий», какая прелесть!

– Разве ты забыла, что первое образование у меня юридическое? Хотя где тебе помнить чужие институты, ты-то вообще нигде не училась! Три класса церковно-приходской!

– Ах, ну да – юридический! Это оттуда тебя выгнали с первого курса за прогулы? Или откуда-то еще? Да и напомни, пожалуйста, какой диплом мы тебе в складчину покупали? Юридический или экономический?

Забыв о долгих годах безупречной дружбы, мы орал друг на друга, а плотная масса пассажиров внимательно нас слушала, наслаждаясь бесплатным концертом. Слава Богу, мимо нужной станции не промазали, выскочили на платформу и хотели затеять драку, но поблизости околачивался милиционер с образованием, и возмущать общественное спокойствие мы не решились. Выскочив на поверхность, Тая не удержалась и дала мне пинка, я незамедлительно ответила тем же. Где-то поблизости раздалось молодецкое ржание и знакомый голос восторженно воскликнул:

– Бой без правил! Бой бабочек в грязи!

Обернувшись, я увидела Влада – нашего внештатника в куртке нараспашку, с очками набекрень.

– А ты не лезь! – крикнула я. – Сейчас я покажу этой змеюке!

Но Влад не позволил продолжить поединок, он нас расцепил, повторяя: «Брэк! Брэк!», и потребовал объяснений. Объяснять ему ничего не стали, глядя в разные стороны, мы направились во двор к облезлому двухэтажному зданию, под старой крышей коего уютилось с десяток редакций гадких газеток. Первый этаж почти целиком занимал «Издательский дом «Комета», выпускающий аж целых три жиденьких газетки и книжечки исторически-сексуального направления, то бишь: где там кто кого имел впотьмах нашей великой истории. Причем историческая подлинность романов их совсем не интересовала, главное побольше громких имен. Каждый раз, когда я видела на экране телевизора наипошлейшую рекламу презервативов: «Государыня, к вам граф Орлов с «Визитом», так и вспоминала уродливую продукцию «Кометы». Не дожидаясь бывшей подруги и Владика-дурацкого-хохотуна, я вскарабкалась по заброшенной окурками лестнице, и толкнула дверь с табличкой «Редакция газеты «Непознанный мир»».

Глава четвертая

В кабинете царила неестественная тишина, весь наш немногочисленный доблестный коллектив корпел над очередным номером газеты, а меж столов дефилировал С. С. и пристально следил за рабочим процессом. Наша редакторша, в жизни ничего кроме пасьянса не открывавшая на компьютере, с сосредоточенным ужасом тарашилась в монитор, выискивая безопасные тропы; художник забросил рисование голых теток с автоматами и бодро ваял полотно в стиле Валеджио, а все остальные писали, писали, писали! Аж дым из ушей! Я приготовилась, было, рапортовать о проделанной работе, даже диктофон достала, но С. С. подскочил ко мне и, не давая сказать ни слова, выпалил:

– Так! Про это дело забудь! Появилось кое-что поинтересней! Покончила с собой Мила Розовская! Вот тебе телефон, – он метнулся к своему столу, накарябал на клочке бумажки цифры, – это ее жених! Поговори с ним! Завтра материал мне в руки!

– А-а-а... э-э-э... – я так и стояла с диктофоном в протянутой руке.

– Я тебе потом объясню, кто такая Мила Розовская, – шепнула мне Тая, – денег проси.

– Станислав Станиславович, – откашлялась я, засовывая диктофон обратно в сумку, – мне бы это... денег на дорогу, а то у меня вообще ни копейки...

Боже, как унижительно! Жаль, руку опустила, а то в самый раз: подайте копиечку юридивому, вашблагородие.

– Идем в бухгалтерию, получишь аванс!

Вот и вся недолга: курсируй за свой счет, чернорабочий. Получив свои три рубля, я поплелась на выход, Тая двинула следом. Влад хотел сбежать с нами, но был изловлен на лестнице С.С. и возвращен в коллектив.

– Ну, как жить дальше, а? – Я вышла на улицу. Вовсю валил снег. Ненавижу московскую погоду, тепло начинается в мае, а заморозки в октябре, вот и тянется холодрыга больше полугода.

– Ты есть не хочешь? – Тайка застегнула молнию куртки и подняла воротник.

– Хочу.

– Будем обляпываться шаурмой у метро или заскочим в «Констанцию»?

– Пойдем в «Констанцию», там хоть горячим кофеом напоют.

Ломая хрустящие корочки луж, мы побрели к кафе.

– Так что там про эту Милу... как ее фамилия?

– Розовская, – глаза Таи вспыхнули счастьем человека, обладающим информацией и обретшего шанс ее выболтать. – Ты, Сенка, словно из тайги вчера вернулась, вообще не в курсе никаких событий. Разумеется, ты не смотрела сериалы «Модельное агентство», «Полковник Пономарев», «Подмосковные войны»?

– Нет. И прошу тебя не пересказывать их содержание.

Мы вошли в кафе, заказали жареной картошки с курицей, кофе, и уселись в уголок.

– Так вот, – продолжила Тая, – Мила Розовская была звездой этих сериалов, она прямо новая Монро, только не такая толстая. Она еще в каких-то полнометражных фильмах снималась, уж не помню в каких, только ленивая газета, да ваша трупная не писали о ней и не помещали фотографий на первых полосах. Миле прочили оscarов и Канны, ее жених – обалденный красавец Александр Шведов, сын того самого актера Михаила Шведова, он все принцев играет...

– Михаил?

– Нет, Александр. Михаилу уже только очень пожилые цари-государи по плечу. Вот и скажи мне, подруга дней моих суровых, с чего это Милочке Розовской кончать с собой? С какого безумного горя?

– Может, больна была чем-нибудь неизлечимо?

По большому счету, мне и знать не хотелось, что там взбрело в голову Милочке Розовской. Для одного дня и одной меня многовато всяких криминальных драм. Хотелось домой, прогулять любимого песика, напузырить полную ванную воды с шампунем взамен душистой пены и предаться приятным мечтам, а не ломать голову над трагедиями незнакомых людей.

– Ей двадцать пять или около того, – фыркнула Тая, отставляя пустую тарелку, – да и не выглядела она больной, девица так и пыхала здоровьем.

– Пыхала, говоришь? – я закурила. – Да мало ли какие у него могли быть завороты, все эти люди искусства с прибабахом, кто наркоманит, кто голубеет на глазах, а кто и первое, и второе, и третье с четвертым. Да и что толку предполагать, мы все равно не знаем ни этой девушки, ни ее проблем. Я замерзла, промочила ноги, я хочу домой.

– Сначала созвонись со Шведовым, договорись о встрече, а там видно будет. Все равно ведь придется, начальство приказало.

– Тебя не поймешь, то ты хочешь расследовать, то не хочешь.

– А тут мне уже самой интересно и не страшно. Иди, вон на стойке телефон, заплати пять рублей и позвони.

Делать нечего, пришлось идти звонить. После третьего гудка в трубке раздался мужской голос:

– Да!

– Здравствуйте, – зачастила я, – а можно услышать Александра Шведова?

– Я слушаю!

– Вас беспокоят из газете...

Он не дал договорить, прекрасный принц послал меня трехэтажным и бросил трубку. С пылающими ушами я вернулась за столик.

– Ну? Что? – не терпелось Тае.

– Ничего, послал подальше.

– Надо думать, у него стресс, шок, а тут еще гады-журналисты лезут, спекулируют на чужом горе.

– Наконец-то я поеду домой, да еще с деньгами. Чего-нибудь вкусенького куплю по дороге...

– Сена! Из тебя никогда не выйдет настоящего журналиста!

– Это почему еще? – я допила кофе и, разомлев в тепле кафешки, приготовилась вздремнуть в уголочке до конца рабочего дня, потом отнести С. С. его диктофон...

– Да потому что ты не можешь добиваться своего, не умеешь идти через тернии к звездам. Чуть что, сразу лапки кверху и в кусты! Надо приложить усилия и заполучить интервью! Вдруг тебе на самом деле удастся довести до ума хоть одно журналистское расследование, сделать классный материал, да так его подать, чтоб все ведущие издания Москвы поразились, какую потрясающую журналистку они прощелкали. И как начнут тебя звать к себе, рвать на части...

В общем, змей искуситель в Тайкином лице победил, я сдалась и решила всем доказать чего стою. Но только с завтрашнего дня. Я клятвенно заверила ее, что завтра с утра мы вместе отправимся выбивать интервью у принца матершинника, а подруга обещала собрать всю возможную информацию об этом деле, обзвонить друзей с компьютерами и интернетом, выяснить адрес Шведова по телефонному номеру, если понадобится... Глаза ее сияли, щеки покраснелись, и я подумала, что не помешает купить ей еще какой-нибудь милицейский диплом. На день рождения...

Вернувшись домой, я сразу потащила на променад своего любимого песика. Лаврик, привыкший нестандартному графику прогулок, никогда не возмущался, что их маловато и всегда радовался любой возможности погонять голубей и кошек. Голуби и кошки не возражали, когда за ними носились какие-нибудь таксы, но стоило во двор вылететь моему жизнерадостному сенбернарчику, как округа моментально пустела.

После моциона следовала обязательная для слякотной погоды увлекательная процедура мытья лап: пластмассовое ведерко с теплой водичкой, личное Лаврушино полотенчишко для ног, полотенчишко для грязного лохматого пуза, тряпка для коридорного пола. Потом надо покусать, вытереть очередным полотенчишом слюни, расчесать всю шубу, дабы от влажности на попе и «подвесе» не сваялось колтунов, подмести шерсть, а потом уж можно и собой заняться. Наполнив ванную, я улеглась в душистую пену и стала мечтать... о славе, богатстве, деньгах...

...Я уже сидела на диванчике ток-шоу «Принцип домино» и рассуждала на тему: «есть ли Бог», как вдруг из комнаты донеслось отчаянное дребезжание телефона. Чертыхнувшись, вылезла из поостывшей водицы, обернулась полотенцем и поспешила на зов, оставляя на полу мокрые следы с клочками пены.

– Алё?

– Приезжайте, – прошелестел далекий женский голос, – я скажу, кто убил моего мужа...

– Кто это говорит?

– Приезжайте немедленно.

И мембрана зарябила короткими гудками. Я смотрела на желтую пластмассовую трубку, с меня активно капала вода, в мозгу зависла картинка ток-шоу с Хангой и Ищевой... меня же прервали на полуслове! Набрав Тайкин номер, я сообщила о звонке, подруга мгновенно возбудилась и сказала, что сейчас примчится.

– Погоди, как ты думаешь, это точно была Инна Величковская?

– Кто же еще?

– Откуда она мой номер знает?

– Сена, ну какая же ты тундра! Определитель номера, память на входящие звонки!

– Как же она мой номер в телефоне откопала, если она, сидя напротив нас, не могла определить, что в комнате еще кто-то находится?

– Сена, какая разница? Она тебе позвонила! Сказала, что сообщит имя убийцы! Это легендарный шанс! Я немедленно еду!

– Не надо ко мне, это долго, ты езжай прямо к дому Инны, а я машину раскочегарю и мигом подскачу.

– Свою сенокосилку ты будешь заводить до утра!

– Ерунда. Зато мы будем на колесах, независимые от метро. Смотри на часы, время к полуночи ползет, у меня нет денег, чтобы на такси через весь город плюхать. Все, давай, до встречи.

Швырнув трубку, я помчалась вытираться. Волосы сушить было некогда, тем более фен благополучно перегорел на прошлой неделе. Спешно потрепав прядки полотенцем, впрыгнув в джинсы и свитерок, я заметалась по шкафам прихожей в поисках какого-нибудь головного убора – в минус десять с мокрой головой, я имела шанс простудить свой великий, но невос требованный средствами массовой информации ум.

Прикрыв темечко шарфом и завязав его под подбородком, я скатилась вниз и понеслась к гаражу, где дремал мой раритет, заря автомобилестроения, горбатый запорожец цвета тухлого апельсина. В такую погоду я старалась не рисковать и ездила на метро, дабы не застревать через каждые сто метров, ну раз такое дело...

Бойко шныряя меж колес роскошных сверкающих лимузинов, я всячески пыталась сократить маршрут. От моего страшенького автомобилчика была ощутимая польза – меня

никогда не тормозили гаишники, да чем можно поживиться с такой вот таратайки, за рулем которой сидит перепуганная барышня, как молитву шепчущая правила дорожного движения?

Накручивая баранку, я неслась по ночной сверкающей Москве. В последние пару лет ездить по центральным дорогам стало совсем уж страшно, количество машин достигло астрономической численности, и все они были такими роскошными, такими дорогими, что я и цифр-то подобных не знала. Не дай Бог царапнешь такой вот дворец на колесах своим «жопером» и всё, считай, что жизнь закончилась, толком не успев начаться.

Сверяясь с картой, я выскочила к метро Крылатское, а там и дом Инны был не за горами. У подъезда уже топталась Таисия, завидев меня, она призывно помахала рукой. Приткнув жучок на свободное местечко меж лакированных экипажей, принадлежащих жильцам расфурфиренного дома, я поспешила навстречу подруге.

– Как ты долго!

– Конечно, на метро быстрее, там же пробок нет.

– Ты знаешь, я вот что думаю, – подруга озиралась по сторонам, словно ожидала увидеть засаду, – сейчас мы туда поднимаемся, а эта Инна уже мертвая... или в процессе...

– В каком процессе? – я подошла к подъездной двери.

– Умирания. Или там убийцы вовсю орудуют...

– Тай, ну что ты мелешь.

– Во всех фильмах именно так и происходит, – упрямылась подруга. – Давай поднимемся туда вместе с охранником.

– Не сходи с ума. Что мы ему скажем? Еще неизвестно, пропустит ли он нас вообще так поздно.

– Почему не пропустит, это ведь жилой дом, а не театр!

И вообще, я уже успела пожалеть, что взяла ее с собой. Ткнув пальцем в кнопку вызова, я не отпускала её, покуда не раздался глас охранника.

– Мы опять к Инне Величковской, – заверещала моя персона. – Мы уже приезжали к ней сегодня!

Впустили нас без всяких проблем. Охранник приветливо махнул дубинкой в сторону лифта, а мы закивали, мол, дорогу уже знаем, спасибо вам большое.

Дверь нам никто не открыл.

– Что я тебе говорила, – зашептала Тая, безуспешно пытаясь заглянуть в замочную скважину. – Все кончено. Скоро трупным духом потянет...

– Тая, ну что ты за человек такой? – рассердилась я. – Наверняка она напилась, таблеток наглotalась и спит мертвецким сном. Я разговаривала с ней час назад, что могло ужасного случиться?

– Она могла травануться алкогольно-лекарственным коктейлем, – подсказала подруга.

– Да, кстати, – призадумалась я, – вполне может быть. Пойду-ка я с охранником посоветуюсь, вдруг у него запасные ключи имеются.

– Ага! Причем от всех квартир! Это же не общежитие... Куда ты?! Не оставляй меня тут одну! Я с тобой!

Она впрыгнула в лифт следом за мной и нажала кнопку.

Охранник восседал за своим столом, помимо маленького телевизора, перед ним теснились довольно большие экраны, поделенные на сектора, на них виднелись пустынные лестничные площадки и марши.

– Извините, – откашлялась я, – Инна нам не открывает, мы боимся, что ей стало плохо, она недавно мне звонила, просила приехать, а теперь... вот.

Охранник поднялся вместе с нами, еще раз позвонил, постучал, поколотил в дверь и вызвал по рации службу спасения.

Приезда спасателей дожидались на пункте. Охранника, как выяснилось, звали Толиком, он оказался совсем не страшным, даже не поленился заварить для нас по стакану растворимого кофе. Мы сидели за столом, цедили горькое пойло, косились на мониторы, высматривая преступников на гулких лестничных площадках и старательно отгоняли страшные фантазии...

Не успели мы осушить наши стаканы, как спасатели прибыли. А буквально пятью минутами позже пожаловала скорая. Для верности они еще позвонили, постучали, покричали и взялись за дело. На площадке стоял шум и грохот, но ни один сосед не высунулся, не поинтересовался, что происходит и не нужна ли помощь? Ни один!

Взломав дверь, народ сыпанул в квартиру, мы, разумеется, следом, куда ж без нас? Инну нашли в ванной. На кафельном полу стояли горящие свечи, валялись бутылки из-под шампанского, на бортике огромного джакузи тоже кое-как были прилеплены свечки, парочка свалилась в воду и болталась в струях. Слава Богу, голова Инны торчала над водой, глаза ее были закрыты, а длинные спутанные волосы почти касались пола. Пока врачи возились с нею, мы с Тайкой осматривали интерьер. Такой ванной я даже в журналах не видала! Господи, какая же я до чужого богатства жадная. Даже труп в ванной не производит на меня такого впечатления, как сама ванная! Ужас, не пора ли мне обратиться к психическому доктору?..

– Как она там? – к врачам подошли спасатели. – Жива?

– Жива, но если через полчаса желудок не промоем, ничего не гарантирую. Тут доза спиртного, наверное, смертельную раз в пять превышает.

– Она еще таблетки глушила, – встряла Тая, – много и всяких.

– Ясно все, – кивнул врач, – вынимайте ее оттуда. Нужна срочная детоксикация.

Общими усилиями девушку вытащили из джакузи, на ней оказалась шелковая ночная рубашка и шелковый халатик. Мокрые тряпки с нее стащили, завернули в банный халат, погрузили на носилки, и наладились на выход.

– Стойте! – опомнилась я. – На улице холодрыга, а у нее ноги голые и мокрые! И вообще, ее как следует одеть надо!

Мы с Тайкой поспешили в комнаты на поиски хозяйкиных нарядов, и вырулили в спальню-будуар. Пока Тайка рылась в шкафу, я глазела по сторонам, чего хотела найти, сама не знала. Кровать смята, покрывало откинута, телефонная трубка с толстой антенной валяется на полу у изголовья, на столике все тот же бардак... я подошла ближе.

– Сена! – зашипела подруга. – Идем скорее, пока она не скончалась!

– Угу...

Спешно приодев Инну, мы проводили всю процессию на выход и остались в квартире дожидаться охранника Толю.

– Надо выключить джакузи, – сказала хозяйственная Тайка, – а то мало ли.

Мы убрали с пола и бортиков свечки, сгребли в сторону бутылки и попытались отключить это водяное бурление. Тыкали наугад по кнопкам, пока не напали на нужную. Вода успокоилась. На дне что-то лежало. Я не поленилась сунуть руку и достала бокал.

– Тут еще один, – Тая подняла с пола точно такой же. – Она пила сразу из двух?

– В спальне, на столике, лежат две зажигалки, кроме недопитой бутылки виски стоит еще и початая бутылка водки, а в ванной валяются три(!) пустых бутылки из-под шампанского. Мужик умер бы, если б столько выпил, а тут девушка молоденькая, да и квасит она явно уже не первый день. Она бы скончалась еще к обеду, тем не менее, она позвонила мне и вполне внятно, связно попросила приехать. Тут что-то не чисто. Жаль, нет времени все тут облазить, осмотреть...

– Давай хотя бы прихватим зажигалки, – глаза подруги полыхали азартом.

– Зачем?

– Ну, как же? Расследовать будем!

И выскочила из ванной. Я же взяла бокал, поднятый Таей с пола, и понюхала. Из него не пили, бокал был чистым. Со стороны прихожей раздался шум и движение – охранник Толик вернулся с милицией. К счастью Тая успела спрятать в сумку все интересующие ее предметы и, как ни в чем не бывало, выскочила навстречу гостям. На вопрос милиции, кто мы собственно такие и кем приходимся хозяйке, мы не стали заливать про журналистику, просто соврали, что подруги, показали паспорта. Впрочем, наши персоны мало кого интересовали, нас вежливо выкинули из квартиры, и дверь стали опечатывать. Мы не стали лишним раз напрашиваться на комплименты и поспешили вниз.

Отъехав от дома, мы перевели дух и дружно закурили.

– Выходит, там еще кто-то был, – сделала вывод Тая. – Водку Инна, наверняка, не пила, зачем пить водку, когда в квартире полно дорогих напитков иностранного производства?

– Откуда ты знаешь ее вкусы, а за границей наша водяра ценится.

– Фу. А второй бокал из ванной был чистым, может и первый тоже, но он валялся в воде, так что не поймешь.

– Да и шампанское из бутылок могли просто вылить, – подхватила Тая. – Может, это и не она тебе звонила?

– А кто же? Да и не в интересах убийцы приглашать журналистку, чтобы та спасла жертву, это как-то...

– Не по-людски, – кивнула подруга. – Ох, как все интересно, прямо сил нет! Надо было спросить, куда они ее повезли, в какую больницу?

– Надо будет узнать, проведать...

– Ага, расспросить все подробненько, – кивала подруга, прижимая к сердцу свою сумку. – Я к тебе сегодня еду, так что меня завозить никуда не надо. Будем мозговать план расследования.

– Лучше давай мозговать план завтрашнего доклада шефу, – печально вздохнула я, проскакивая на светофоре, – он ожидает уже готового интервью с женой Розовской...

– Какой ловкий дяденька, – фыркнула Тая. – Ты ему объясни, что скоро только кошки родятся, невозможно вот так вот взять и...

– Невозможно ему что-то доказать, – вздохнула я, осторожно объезжая громадный, как двухэтажный особняк джип, – ему вынь да положь, а какой ценой ты это сделаешь – твои проблемы. Гестаповец.

– А мы ему скажем, что Шведов назначил тебе встречу на завтра, вот и все. А сами пойдем в интернет-кафе и соберем всю информацию о нем и Миле. Узнаем, где она работала в последнее время, где сейчас работает Александр, туда и отправимся, будем крутиться у входа, мозолить ему глаза, лезть в душу. Не волнуйся, интервью мы у него вырвем.

Настроена Тая была так бодро, так по-боевому – вот что значит нечем человеку заняться в несвоевременном мартовском отпуске.

Глава пятая

За поздним чаепитием, мы продолжили мозговать и составлять дальнейший план действий. В таких делах опыта мы практически не имели, но в собственные силы и интеллект верили свято, к тому же моя меркантильная натура все настойчивее требовала громкой журналистской славы.

– Пока Инна в больнице, не мешало бы поговорить с любовницей Алисой, – размышляла Тая, прихлебывая чаек. Лавруша полуночничал с нами за компанию, он развалился, заняв весь пол крошечной кухни, и дремал, похрапывая и потягивая во сне.

– А как мы, интересно, ее отыщем? Нам даже ее фамилия неизвестна.

Я подлила в чашки еще заварки и кипяточку, спать совсем расхотелось, хотя на часах был третий час утра.

– Хм-м-м... – призадумалась подруга, – слушай, Величковские богатые буратины, значит, у них должна была быть какая-нибудь прислуга: домработница, шофер...

– Да! Шофер! – обрадовалась я. – Точно! Наверняка они куда-то вместе ездили, где-то бывали, шофер вполне мог забирать ее из дома. Теперь вопрос – как нам выйти на прислугу?

– Поговорим с охранником Толиком.

– Верно... как это я сама не догадалась...

– Эх! – махнула вдруг рукой Тая. – Хотела тебе на восьмое марта подарить, но не удержусь, сейчас отдам. Тем более, восьмое послезавтра.

– Что подарить? – подарки я любила всегда, к любым праздникам.

– Сейчас.

Осторожно перешагнув через безмятежно сопящего Лавра, Тая метнулась в прихожую и вернулась со стопкой красных книжечек удостоверений. На одной красовалась надпись «пресса», на двух других – «милиция» и «частный детектив».

– Это тебе, – подруга протянула мне удостоверения. – С праздником.

Документы были подделаны мастерски: фото, печать, подписи... загляденье!

– Тая, откуда это у тебя и зачем оно нам надо? И как ты вообще это сделала?

– И это вместо спасибо? Хотя, чего от тебя еще ждать. Корочки в ларьке купила, твои фотки у меня были, а об остальном Влада попросила позаботиться.

– Влада? Нашего Влада?

– Ну да, он на компьютере все сделал. Смотри, какая печать, а? Прелесть! Я хотела сделать тебя еще фээсбэшницей и налоговым инспектором, но у меня фотографий не хватило.

– Тебе не кажется, что это подсудное дело?

– Да ладно, это же так, шутка. Мы же не собираемся ими всерьез пользоваться... – Тая поймала мой взгляд и осеклась. – Или... собираемся?

– Похоже, что собираемся, – вздыхая, я открыла удостоверение частного детектива. – Разве у нас в стране есть детективы, тем более с корочками?

– Понятия не имею. В ассортименте были еще удостоверения дурака и полного идиота, к ним еще дипломы прилагались, говорю же, это все шутка, ненастоящее.

– Но выглядит очень внушительно, уверена, нам они помогут открывать нужные двери. Лишь бы самим за решеткой не оказаться.

– Да кто нас посадит за такую ерунду? Мы же не собираемся использовать эти документы в корыстных целях, токмо правосудия ради, ибо справедливость...

– Тая, пошли спа-аать! – широко зевнула я, сползая с табуретки.

Хмурое утро началось как обычно: заходящийся в истерике будильник (когда же я его выкину и куплю какую-нибудь тихую электронную пикалку?), нетерпеливо сопящий в ухо

пес, желающий немедленной прогулки, и желание спать, спать... только спать и ничего, кроме спать...

Пока я таскала птенчика по двору, Таисия заварила чай и приготовила завтрак.

– Сейчас поедem в интернет-кафе и приступим, – попивала кофе бодрая и чрезмерно активная Тая, я же сонно кивала в ответ. – Вооружимся информацией и в бой!

На кухонном столике лежали забытые с вечера удостоверения, я принялась рассматривать их при дневном свете. Надпись в журналистском сообщала: «Ксения Зорина, специальный корреспондент газеты «Комсомольский комсомолец»... Вредная Тайка вписала мои ненавистные паспортные данные – по паспорту я Ксения. Оригинальность моих родителей, решивших назвать чадо в честь парижской реки Сены, на берегах коей они познакомились, будучи в турпоездке, не вдохновила теток из загса. Регистрировать новорожденную с именем Сена они наотрез отказались, пришлось записать меня Ксенией. Я же любила свое экзотическое имя, пусть уж его склоняют на мужской лад, называя меня Сеней и Семёном, нежели Ксюхой. Я вообще к этому имени не имела никакого отношения, оно не было моим, оно принадлежало теткам из загса.

– Ничего, что я написала «Комсомольский комсомолец»? – подобострастно захихикала подруга, заметив мою перекошенную физиономию. – Это юмор такой...

– Да пёс с ним, с комсомольцем! Зачем ты мою фамилию-имя прилепила?

– Да ладно тебе, чего ты так взъелась на свое паспортное имечко? Если бы ты представлялась народу как Ксения или на худой конец Ксена, тебе не задавали б каждый раз кучу дурацких вопросов.

– Нет! Нет! Я Сена и все тут! Такого имени больше ни у кого нет, а Ксюх полным-полно!

– Сеночка, у тебя какие-то ненормальные фобии...

Милая Таечка доступным языком объяснила мне, что я псих маниакальный, и если я из-за своих психиатрических расстройств выброшу в мусор ее гениальный подарок, в который она вложила столько труда, души и сердца, желая сделать мне, скотине неблагодарной, оригинальный сюрприз, что ж, пожалуйста. На здоровье. Я дожевывала яичницу и грустила. Потом рискнула заглянуть в милицееское удостоверение. Теперь уже Ксения Зорина являлась помощницей следователя городской прокуратуры. Хорошо хоть не генералом с Петровки. С последней корочкой все было просто и ясно: «Частный детектив Ксения Зорина». Славно, что не Зорина – Пуаро через маленький незаметный дефис.

– Все ясно, – вздохнула я, – я прямо на все руки от скуки... ладно, ладно, мне нравится твой подарок. Давай собираться в кафе.

– На работу позвонить не хочешь?

Я не хотела. Но пришлось. Не давая С.С. вставить ни слова, я протарахтела наполовину вымышленный доклад о своей кипучей деятельности, сказала, что мне еще требуется время для сбора материала, и быстренько грохнула трубку на рычаг, пока он ничего не успел сказать.

Ехать решили на машине, но ночью вдарили морозы, и моя сенокосилка отказалась заводиться. Мы ее и так и эдак, со словами и без слов... – мертвяк. Пришлось тащиться на метро.

– Тая, а далеко ехать? – канючила я, страдая в душном вагоне. Не люблю метро, я в нем мучаюсь... особенно летом. А после взрывов, я его еще и боюсь.

– Нет, пару станций, там прямо возле метро это кафе. Как-то мимо проходила, видела и зачем-то запомнила, а вот теперь пригодилось. Кстати, ты не знаешь, сколько там чего стоит?

– Откуда? Я не знаю, с какой стороны к компьютеру подходить, а ты хочешь, чтобы я была в курсе цен интернет-кафе. А почему «кафе»? Можно выпивать, сидя за компьютером?

– Нет, там ничего не подают и не разливают, народ просто сидит за столами, утюрившись в мониторы, вот и вся радость.

Кафе и впрямь оказалось совсем не кафешным, больше похожим на огромный офис: просторное помещение, длинные столы, плотно заставленные компьютерами и тихая публика со стеклянными глазами. Мы заплатили шестьдесят рэ за час и «интернет-официант» проводил нас к свободной машине.

– Вы нам только, пожалуйста, все включите и покажите, – безобразно кокетничала с симпатичным «официантом» отвратительная Тая, – а то мы ничего в этом не понимаем. И как в интернет входить и куда-чего вписывать. Мы журналистки, готовим важный материал...

И все тут! А я будто и вовсе на свете не существовала! Меня бесцеремонно отодвинули в сторону, и два голубка склонили хохолки у монитора.

– Пазвольте, – я протиснулась к стульям и клавиатуре, распихивая влюбленных. – Мы сами разберемся, спасибо!

Юноша тут же отчалил, оставив нас в покое.

– Какая же ты, все-таки... Сена!

– Какая? Ну, какая? Мы сюда зачем вообще пришли?! Скорей бы тебя замуж выдать, что ли, позорница!

– Ага, с тобой мне не светит такого счастья! Я никогда ни с кем не познакомлюсь!

Я уселась за стол и с видом компьютерного гения принялась набирать: «Александр Шведов» в графе поисковой программы. Это единственное что я умела, да и то подсмотрела, как это делал наш художник, когда искал порнографические сайты. Компьютер вывалил нам столько информации и газетных статей, что мы малость растерялись.

– И что теперь со всем этим делать? – приуныла я. – Будем весь день сидеть, все деньги тут оставим.

– Вечно ты, Сена, только о деньгах думаешь, – фыркнула подруга.

– Разумеется! Когда их нет, ни о чем другом думать просто не получается!

– Тогда хотя бы смотри по сторонам! Вон плакатик с аршинной надписью, а надпись гласит, что мы можем сохранить информацию на дискете или распечатать прямо здесь, доплатив, разумеется.

– И много доплачивать?

– О, Господи! Я сама заплачу!

И Тая направилась к главному «интернет-бармену» выяснять подробности, а я открыла второе окно и ввела в поисковик: «Инесса Величковская». Статьи и сплетни тут же посыпались как перья из распоротой подушки.

– И как наши дела? – подошла Тая.

– Нормально, – я быстро просматривала тексты, попадалось множество фотографий. – Это все нам тоже пригодится...

– Слушай, я придумала, как нам подобраться к Шведову. Ты напрасно представилась журналисткой, скажи, что ты частный детектив и расследуешь это странное самоубийство.

– Частных детективов обычно нанимают, сами они не расследуют из любви к искусству.

– Во! Именно! Из любви к искусству! Наври, что ты безумная поклонница Розовской, ее смерть тебя потрясла, вот ты и решила заняться расследованием!

– Я даже не знаю, как эта Розовская выглядит.

– Сейчас покажу, – Тая вернула на экран информацию о Шведове, пощелкала мышкой, и вскоре на экране возникло большое фото. Не мудрено, что я никак не могла вспомнить ее лица, такими блондинками телеэкраны забиты до отказа. Глянцевое личико с мелкими чертами, на переднем плане Алые Губы, легкие тщательно завитые кудри а-ля Монро, яркие голубые глаза. В ее взгляде, во всем облике просматривалась какая-то внутренняя надломленность, какая-то трагичная истеричность, что ли, хотя это вполне могла быть роль, образ. И вообще, мне было не понять, как с такими дамочками «внезапными и порывистыми» могут уживаться под одной крышей принцы Шведовы. Александр оказался о-о-о-очень симпатичным, с роскошной

темной шевелюрой, с классически красивым лицом – мечта одним словом. Недостигаемая мечта для счастливых обладательниц запорожцев – другим словом.

– Каков, да? – завистливо вздохнула Тайка. – Такого замучаешься завоевывать.

– До чего дамский пол дошел. Раньше они нас завоевывали, а теперь мы их.

– Нас, милая моя, еще никто толком не завоевывал.

– К счастью, мы тоже никого.

– А вот она, – Тайка ткнула пальцем в лоб Миле Розовской, – наверняка так ловко сети расставила, так все обстряпала: бац-бабац и в невестах у такого господина.

– А потом трах-бабах – и в покойницах, – передразнила я. – Мы понятия не имеем, кто там кому сети расставлял, может, это он по Милочке с ума сдвигался. Ты давай лучше узнавай, как это все распечатать, покуда наше время не вышло.

И Тайка понеслась на поиски красавчика «официанта», дабы он помог ей с этой проблемой. Вскоре у нас на руках оказалась внушительная бумажная кипа. Покинув Интернет-кафе, мы перебрались в кафе обычное. Взяв по чашке кофе, устроились в уголке и принялись перебирать бумажки. Начали со Шведова-Розовской. Из всего богатого материала мы выяснили следующее. Оказывается, к своим двадцати восьми годам, Мила сыграла аж две крошечных роли в кино, три в не к ночи помянутых Тайкой сериалах, и одну роль («мадам, к вам поручик Ржевский! Запускать?») в театре, но единодушно воспевалась журналистами и критиками, как ярчайшая восходящая звезда современности. На момент самоубийства она готовилась к съемкам в фильме Шведова-старшего, где должна была играть со Шведовым-младшим. Фильму-драме с рабочим названием «Латиница», заранее предрекали громкий успех, называли «событием года», хоть и обмолвились пару раз, что картина «все-таки больше ориентирована на западного зрителя» и что «мы опять хотим подобраться поближе к Голливуду». Судя по интернет-сплетням, с Александром Мила познакомилась на кастинге «Латиницы», роман закрутился стремительный и бурный, через каких-то несчастных три месяца повелись разговоры о свадьбе, даже назначалась дата, но вот какая из пятнадцати различных, обнаруженных в «сведениях из достоверных источников» – реальная, мы так и не поняли. И как мы не пытались, как не старались, никаких поводов для самоубийства не откопали. Все прекрасно, все шоколадно, малышка выхватила из рук зазевавшейся судьбы свой счастливый билет, так с чего вдруг она выбрала время, когда ее точно никто не потревожит, и напилась таблеток? Газетенка, рангом чуть выше моей трупной, утверждала, что Мила оставила записку, даже текст ее обещалась привести, но не привела, видать журналюга вроде меня, так ничего и не придумала трагически-посмертного.

– Что думаешь? – Тая отложила бумаги. – Какие выводы?

– Я в смятении. Наверное, должна быть какая-то серьезная таинственная драма, или просто сдвиг по фазе, у меня нет других предположений. С женихом поговорить надо обязательно. А что у нас с Величковскими?

– Ничего интересного, – ворошила Тайка чужую личную жизнь и бесславную кончину, – всё это я от своей зампредши уже сто раз слышала... а вот это не слышала, – она выхватила листочек из общей кипы, – оказывается с Инной покойничек-ловелас познакомился в результате ДТП, надо же, а! И аварии бывают началом большой и чистой любви!

– Ты помнишь, как она говорила о своей ненависти к супругу? Он уже мертв, а она все еще продолжает его ненавидеть, причем это чувство заслоняет все на свете. И единственное, что беспокоит вдовушку, так это участь загремевшей под следствие любовницы Алисы. Это нормально?

– Не совсем, я бы сказала, но в том состоянии, в котором она пребывала...

– Вот именно в таком состоянии захочешь – не совершь. А как убили супруга? Кстати, как его зовут? Не помню уже.

– Дмитрий, кажется, Петрович. – Таисия снова зашелестела бумажками, отыскивая причину смерти гулены Величковского. Странно, но об этом «инциденте» было написано крайне мало и архискупно, всего одна куца заметка, неохотно сообщившая, что «Величковский Дмитрий Петрович убит в своей квартире в ночь с 26 на 27 февраля, ему перерезали горло острым предметом. Орудие преступления так и не найдено».

– Хм, – призадумалась Тая, – а эти две мадамы, значит, плавали в ванной и ничегошеньки не слышали.

– Ты же видела, какая там ванная и как далеко она расположена от комнат, если они еще и магнитофон включали...

– Там есть магнитофон? – Тая медленно отодвинула пустую кофейную чашку.

– Ага, и еще небольшая синяя видеодвойка, ты разве не видела? Напротив джакузи, в углу на кронштейнах.

– Господи, и зачем только людям в санузле столько аппаратуры?

– Мало ли, вдруг захочется посмотреть ток-шоу лежа в ванной, благо площадь позволяет.

– М-да, – тяжело вздохнула подруга, – а в наших спичечных коробках даже свистка не повесишь.

– Зачем тебе там свисток?

– Вдруг захочется посвистеть, лежа в ванной.

Мы рассмеялись.

– Еще кофе выпьем? – предложила Тая.

– Больше не могу, желудок протестует. Давай лучше решать, куда поедем, с кого начнем.

– Позвони Шведову, представься детективом, если опять пошлет, поедем к охраннику Толику, и будем по пути мозговать, кем еще прикинуться, да прорваться таки к нему.

Прихватив пять рублей, я направилась к стойке. Набрала заветный номер и затаила дыхание, вслушиваясь в гудки.

– Да! – Александра я сразу узнала, все тот же раздраженный, неприветливый тон.

– Здравствуйте, – отрезала я мужественным голосом частного детектива. – Могу я услышать Александра Шведова?

– Я слушаю! Кто это?

– Мне необходимо поговорить с вами о Миле Розовской, я частный детектив и расследую ее загадочное самоубийство! – выпалила я на одном дыхании, не сомневаясь, что снова все напортила и буду послана ну о-о-о-чень далеко. Но неожиданно Шведов ответил:

– Приезжайте сегодня к десяти часам к театру Маяковского, ждите у главного входа.

И все. Даже не спросил, как меня узнать, наверное, и не сомневается, что я его знать обязана и в профиль, и в анфас, и с области затылка.

– Ну, как?

– Не поверишь – сработало, он назначил мне сегодня встречу.

– Вот видишь, главное правильный подход, – обрадовалась подруга. – Когда встреча?

– В десять.

– Вечера?

– Да.

– Чего так поздно?

– Должно быть так ему удобно, встречаемся у театра.

– Впрочем, это даже хорошо, что поздно, успеем съездить к охраннику Толику.

Глава шестая

Толика на месте не оказалось, сегодня была другая смена. Нам долго пришлось вымалывать у маленького, толстенького и очень вредного охранника координаты Толика, в конечном итоге он соизволил набрать его домашний телефон. Мы с Тайкой сопели от злости, переминаясь с ноги на ногу, а паршивый привратник, то и дело бросая на нас хамские оценивающие взгляды, трепался с Толиком о погоде, работе, семье... Исчерпав все темы, он нехотя сообщил о «неких дамочках, разыскивающих тебя», и передал мне трубку. Поздоровавшись, я напомнила Толику о том, кто мы такие и попросила о встрече. Он очень удивился и замялся в нерешительности... Наверное мама строгая, или жена, или обе сразу. Я успокоила, сказав, что это связано с делом Величковских.

– Ну-у-у... – неуверенно прогудел он, – давайте встретимся на Китай-городе, на сиреновой ветке, скажем... э-э-э-э...

– Сегодня! – настырно подсказала я. – Лучше прямо сейчас, разговор займет всего минутку.

– А нельзя по телефону? – все еще упирался он.

– Нет! – я посмотрела на часы. – Давайте в два часа в центре зала Китай-города.

– Ладно... – совсем уж печально прошелестел Толя.

– До свидания, – Тая ласково улыбнулась на прощанье противному охранничку. Наверное, решила еще раз сюда придти или уже заигрывает со всеми подряд, пребывая в раннеагрязнувшем маразме.

– Ты чего это? – спросила я, выходя на улицу. – Он тоже в списках потенциальных женихов?

– Балда ты, Сена, – отмахнулась Тая, – зачем наживать себе врагов, тем более таких глупых, как этот коротышка? Тем более, мы сюда еще заглянем...

– Что ты задумала?

Мы подошли к метро, и ото всюду потянуло слюноточивыми ароматами куриц-гриль, шаурмы, хот-догов и прочей вредной, но страшно вкусной и аппетитной еды. И ноги сами понесли к ближайшему источнику наслаждений. Пристроившись в очередь из трех человек, я напомнила о своем вопросе.

– Отойдем – скажу! – отрезала подруга, и у меня зачесалось в ухе от нехорошего предчувствия.

Взяв по лавашному сверточку и бутылочку пепси, мы отошли в сторонку и вгрызлись в истекающую соусами народную московскую еду.

– Так что ты задумала?

– Нам надо как следует обыскать квартиру Величковских, уверена, там найдется кое-что интересное.

– Например?

– Например, орудие убийства.

– Все может быть, но как мы туда попадем? Это не реально.

– Реально, – хмыкнула подруга, – я взяла ключи от квартиры.

Капуста повисла у меня на устах, из уголка рта потек майонез, как слюна у дебилушки.

– Да расслабься ты, – Тайка свинтила крышку пепси и привычно заглянула в поисках дорого и очень ценного приза, – никто и не заметил.

– Тай, ты совсем сдурела?! – заорала я, плюясь народной московской едой. – Хочешь, чтоб мы за ограбленье загремели? Зачем ты взяла ключи, несчастная?

– Чтобы потом вернуться и спокойно все там осмотреть. Доедай и пошли, а то к Толику не успеем.

– А если милиция...

– Что – милиция? Инну никто не убивал, ее увезли с отравлением, милиции совершенно нечего делать в ее квартире. А нам...

– До всего есть дело, – вздохнула я.

Толик запоздал на тридцать семь минут и сорок восемь секунд.

– Эй! – окликнул нас высокий молодой человек и помахал рукой.

Мы его без камуфляжа не сразу и признали.

– Здравствуйте, Толик, – сурово опередила я, воссиявшую улыбкой Тайку. – Отойдемте в сторонку.

Тайка незаметно пихала меня в бок, мол, не переборщи, но я уже вошла в роль матерого ментозавра.

– Видите ли, в чем дело, – начала я без предисловий, – мы разыскиваем людей работавших у Величковских, домработницу, шофера, или кто там еще у них был.

Толик молчал, глядя на нас с сомнениями, подозрениями и нежеланием общаться, и мы молчали в ответ, глядя на него совсем неоднозначно, скорее двузначно и даже трехзначно, как настоящие полковники... И мы переглядели его.

– Ну-у-у... – вздохнув, промямлил Толик, – вам адреса или просто фамилии?

– Всё!

Тайка тут же извлекла из сумки истрепанный блокнотик и огрызок карандаша, – тоже мне банковский работник. Толик покосился на это хозяйство, потом завел глаза кверху и принялся вспоминать.

– Домработницу зовут Малкова Нина Григорьевна, – и продиктовал телефон. – Водитель Горбачев Михаил Сергеевич...

– Чего? – изумилась Тайка. – Прямо Сам?

– Тезка, – и Толик снова продиктовал телефон, Тая добросовестно записала. – Паспортных данных на память не скажу, надо в журнале смотреть.

Увидев, как наши зрачки изогнулись вопросительными знаками, пояснил:

– Весь персонал наших жильцов записан в специальной тетради, их паспортные данные и домашние телефоны.

– Вот оно как... – задумчиво пробормотала подруга, что-то там конспектируя. – А посетителей в специальной тетради не регистрируете?

– Нет, конечно.

И он собрался дезертировать в подошедший поезд.

– А вас там всего два охранника? – Тая успела вцепиться в его рукав.

– Три, дежури́м сутки через двое.

Он вырвался и был таков.

– Что б тебе жена негритенка Гиви родила, – пожелал Тайка ему вслед.

– Ладно тебе, он же нам все сказал.

– Да, но как все это неприятно звучало!

Мы вышли из метро и направились к ближайшему таксофону. Я набрала номер домработницы и практически сразу договорилась с Ниной Григорьевной о встрече, представившись журналисткой. Записав адрес, я удовлетворенно улыбнулась:

– Едем в Печатники, дорогая.

– Слушай, дела идут, прямо загляденье! Она без скрипа согласилась?

– Напротив, с большой энтузиазмой, видать не каждый день ее журналисты вниманием балуют.

Старую серую девятиэтажку Нины Григорьевны нашли почти сразу, благо от метро оказалось не далеко. Таиска то и дело посматривала на часы, опасаясь опоздать на свиданку к Шведову. Я успокаивала, уверяя, что долго не засидимся, и к принцу Александру она успеет, пусть только не надеется, что он ее различит на фоне театра Маяковского и пригласит к себе в апартаменты на кружку «Дона Периньона».

Нина Григорьевна оказавшаяся премилой дамой лет шестидесяти, очень похожей на учительницу литературы, встретила нас радушно. Даже слишком. На кухне был накрыт стол с бутылочкой вина, на хозяйке красовался явно новый парадно выходной халат с расцветкой под «хохлому». Мы заважничали, ощутив себя крупными птицами высокого журналистского полета, и уселись за стол. Я вытащила диктофон, и Нина Григорьевна заволновалась так, будто в нос ей ткнули телекамеру первого канала.

– Ой, да, деточки, горе-то какое, горе! – запричитала она, разливая по бокалам вино. – Вы только не пишите пока, дайте с мыслями соберусь!

– Да, конечно, – закивала я, а Тайка опять посмотрела на часы. – Давайте просто поговорим, я ничего не буду записывать, не волнуйтесь. Расскажите все по порядку, нас все интересует. Вы давно работаете у Величковских?

– Работала, лапушка, работала, – опять запричитала хозяйка, – теперь-то уж всё, какая уж тут служба! Чуть больше полугода проработала у них, какие хорошие были люди, ну какие хорошие были...

– Почему были? – встряла я. – Инна-то живая, она-то есть.

– Как живая? Вроде ж отравилась она. – Нина Григорьевна недоуменно качнула аккуратной седой прической и уставилась на меня удивленными карими глазами.

– Не совсем отравилась, в больнице она, когда выздоровеет, может, и вернетесь обратно на службу.

– Ой! – всплеснула она пухлыми ладонями. – В какой хоть деточка больнице? Проведать же надо!

– Не знаем, – ответила Тайка, терзая ремешок часов. – Итак, Нина Григорьевна, расскажите нам о семье Величковских всё, что вы знаете.

– Не касалась я особо их жизни, – начала оправдываться пожилая леди, явно сунувшая свой благообразный нос в каждый ящик с бельем Величковских. – Дмитрий Петрович месяц как переехал в эту квартиру после развода, и вот надо же было случиться, почти сразу познакомился с Инночкой. Да так еще познакомился, прямо страсть! Дмитрий Петрович обычно с водителем ездил, а тут шофер на недельку отпуск взял, что-то дома там у него стряслось, ну Дмитрий Петрович сам за рулем был, с работы поздно возвращался, а у Инночки что-то с машиной случилось, ее на встречную полосу прямо и вынесло. Слава Богу, Инночка не пострадала, только шок сильный, машина, конечно, помялась, Дмитрий Петрович тут же в автосервис ее определил, а Инночку домой привез. Так и закрутилось у них. А Дмитрий Петрович, царствие ему небесное, ну такой гулена был, ну так до дамского пола охоч, на то и мужик. А что, он мужчина видный, обеспеченный, мог себе позволить. Случалось, приходили к нему женщины, когда Инночка бывала в поездках, ну что ж такого, все мы живые люди. В последнее время все Алисочка захаживала...

– Вот с этого места, пожалуйста, подробнее, – попросила я. Честно признаться, диктофон давно уже был незаметно включен.

– Когда появилась Алисочка, вы девочки кушайте печенье, сама пекла, разве в магазине такое купишь? Так я даже обрадовалась, думаю, ну слава те Господи, хоть успокоится и все как у нормальных будет: одна жена, одна любовница, хотя Алиса мне и не нравилась.

– Почему?

– Как сказать, она такая вся из себя, курящая, наглая, но Дмитрию Петровичу нравилась, так уж нравилась, что больше он никого не водил, а потом... потом... – она судорожно сглот-

нула и выпила вина. – Потом все и случилось. И как только Господь допустил... как допустил... прямо не знаю...

– У Дмитрия Петровича были враги? – менторским тоном поинтересовалась подруга, видать, подзабыв, что сейчас мы безобидные журналисты.

– У кого ж их нет? – удивилась Нина Григорьевна. – Конечно, были, и конкуренты всякие и просто завистники, он же мужчина был обеспеченный, очень видный.

Я вспомнила фото Величковского из Интернета: массивная грузная фигура, упакованная в черный костюм, блинообразная ряха с глазками-изюминками, короткий ежик на голове – короче, виды еще те, хотя его капитал наверняка превращал Величковского в писаного красавца в глазах дамской общественности.

– Вы не знаете, где он познакомился с Алисой? – продолжала я гнуть своё.

– Нет, – пожала плечами Нина Григорьевна.

– Вам не показалось, что Инна и Алиса знакомы между собой?

– Ой, ну что вы такое говорите, как же это так? Зачем же Дмитрий Петрович станет их знакомить?

– Может, они раньше были знакомы? До Дмитрия Петровича?

– Как так? – удивилась Нина Григорьевна. – Как это – знакомы?

Как мы только не пытались выжать из нее хоть сколько-нибудь полезной информации, пожилая дама выкатывала глаза, пожимала пухлыми плечами и все изумлялась, изумлялась... изумлялась! Будто только что из яйца вылупилась на белый свет. Ничего не оставалось, как допить вино и откланяться. Мы неслись сломя голову, рискуя опоздать на свиданье к Шведову.

К дверям театра Маяковского подскочили минута в минуту.

– Тая, я сейчас кто? – я глотала воздух, задыхаясь от чрезмерно бодрого галопа. Надо бросать курить... надо.

– Сейчас вспомню, – Тая крутила головой, высматривая Шведова, – кажется, мы частные детективы.

– Не мы, а я!

– Тебе что жалко? Да, кстати, а с чего ты вдруг начала спрашивать, были ли Алиса и Инна знакомы? С чего ты это вообще взяла?

– Да просто так на ум пришло. Вот ты представь себя на месте Инны...

– Потом представлю, вон Шведов идет.

Глава седьмая

Из здания театра вышел высокий красавец-мужчина в длинном пальто цвета кофе с молоком и тонком белым шарфом на шее, выполнявшим скорее декоративную роль.

– Александр! – выкрикнула Тайка. Александр посмотрел по сторонам, отыскивая источник звука. Мы подошли поближе.

– Здравствуйте! – затарахтела подруга, улыбаясь во все свои зубы. Судя по всему вставить хоть слово мне не светило. – Мы звонили вам сегодня, мы расследуем дело о самоубийстве вашей жены!

Александр внимательно рассматривал нас с ног до головы, видимо, пытаясь найти в нашем облике хоть какое-то отличие от рядовых поклонниц.

– Да, да, это мы звонили, – кивнула я с самым серьезным и деловым видом, на который только была способна, ибо Тайкина никчемная восторженная радость солидности нам никак не прибавляла. – Могу удостоверение показать, если хотите.

И даже в сумку полезла за своим подарком к восьмому марта.

– Не надо, – отмахнулся Шведов. – Не возражаете, если поговорим в кафе? Я очень голоден.

Какие уж тут могли быть возражения. Ох, как же он красиво говорит! «Я очень голоден». Ведь не сказал как обычный человек: «я страшно жрать хочу», а голоден он. Очень! Приятно, черт возьми, побывать в обществе творческой интеллигенции.

Шведов усадил нас в надраенный до блеска автомобиль иностранного производства... надо же, какой сверкающий в такую грязь и слякоть... наверное Шведов свою машину электробритвой бреет, как тот псих в рекламе... Так прочь все посторонние мысли, надо настроиться на серьезную деловую беседу, господин Шведов это не пожилая домработница в парадном халате с расцветкой под «хохлому», этот может заподозрить неладное. Тайка болталась на заднем сиденье и изнывала от бездействия и невостробованности, я же сидела впереди, на более выгодной позиции и имела возможность завязать с клиентом непринужденную беседу. Я украдкой посмотрела на него. Шведов явственно пребывал в сильном напряжении: так в баранку вцепился, что костяшки пальцев побелели. Ладно, я впиваюсь в руль так, что оторвать мои лапы можно только вместе с рулем, но это исключительно от страха перед дорожным движением, но этому джентльмену такие фобии наверняка не свойственны, да и ехал он так, будто дорога была пуста и чиста. Но взгляд его, поза, застывшее лицо – все говорило об ужасном внутреннем напряжении. Никто из моих родных и близких с собой не кончал, видать не было веского повода, но представить себе, как может выглядеть убитый горем потерей человек я, в принципе, могу. Шведов не так выглядел, да – очень напряжен, он не убит...

Он так резко свернул в какую-то подворотню, что я чуть было не покинула салон через закрытую дверь, на заднем сиденье тихонько выругалась Тайка, Шведов же не обращал на нас никакого внимания и повода завести непринужденный разговорчик в такой обстановке у меня ну никак не находилось. Внезапно он затормозил, я едва не впечаталась лбом чуть повыше бардачка, и вежливо спросила:

– Уже приехали?

Мужчина молча кивнул и полез из машины, мы, разумеется, следом. Едва Шведов переступил порог заведения, как к нему кинулся парень в форменном костюме и залопотал что-то восторженно-приветственное. Звезда театра и кино скинул ему на руки пальто с шарфом и широким шагом проследовал в зал. Мы решили все повторять за нашим принцем, вручили парню свои куртейки и поспешили следом. Ресторанчик оказался небольшим, уютным и респектабельным. В такие места обычно заезжают дяденьки в светлых страшно дорогих пальто,

плотно ужинают перед дальнейшими важным вечерними мероприятиями, выкуривают сигаретку, не глядя особо по сторонам, и деловито покидают зальчик с приглушенным освещением. Шведов уселся за дальний столик и сразу же прикурил, одновременно раскрывая меню, мы устроились напротив. Я полезла, было, за диктофоном, но во время вспомнила, что мы сейчас не журналисты и вытащила лишь пачку сигарет с зажигалкой.

– Девочки, что вы будете пить? – Шведов мельком глянул в нашу сторону.

– А что тут есть? – Тайка взяла вторую кожаную папку. «Чего Изволите» уже топтался возле нашего столика, ожидая нашей воли. Я заглянула в раскрытую подругой папку и едва не присвистнула, увидав цены.

– Мы, пожалуй, ничего не будем, – пробормотала Тая, – чего-то не хочется...

– Значит так, – обратился Шведов к официанту, – мне пятьдесят коньяка, девушкам чего-нибудь красного полусухого и, как обычно, всем троим.

«Чего Изволите» сломался в поклоне и помчался выполнять заказ. Шведов курил, глядя поверх наших голов, и молчал. Мы тоже молчали. Я думала только о том, что сейчас Шведов треснет коньячку, сядет за руль и поедет. И от гаишников ему за это ничего не будет, ведь если бы было, он бы не пил...

– Так что вы хотите узнать? – Александр задавил сигарету в пепельнице и сразу же взял еще одну.

– Расскажите все с самого начала, – приободрилась я. – Как вы познакомились?

– Довольно забавно, – криво усмехнулся Шведов, – ее старая «девятка» въехала прямиком в зад моего нового «Мерседеса». Бедная Мила испугалась до обморока, разрыдалась, что-то сбивчиво объясняла. Я еле-еле понял, что она на днях получила права, взяла у друзей машину и сразу расцеловалась с «Мерсом». Вот так и познакомились.

Я смотрела на него, раскрыв рот, даже пропустила момент заполнения стола тарелками и бокалами, мне показалось, что он накрылся сам собой, как скатерть-самобранка.

– Так значит, вы познакомились в результате ДТП?.. – скрипнула я. Негодяйскую Тайку волновала только этикетка на бутылке с вином, стоящей перед ее курносом носом, она пыталась разобрать французские надписи и вычислить примерную стоимость халявного напитка.

– Можно и так сказать, – он сделал добрый глоток коньяка и принялся за еду.

– А в интернете написано, что вы встретились на кастинге.

– Это своего рода легенда для публики.

Момент требовал осмысления. Я посмотрела в свою тарелку, там красовалась жареная рыба с рисом и печеными овощами. Я вообще-то ничего не имею против рыбы, очень даже благосклонно к ней отношусь, но вот в чем дело, стоит мне поесть именно жареной, как через пять минут возникает довольно сильная тошнота и снимается она посредством поедания чего-нибудь соленого, желательно огурца. А есть хотелось. И даже очень. Плюшки уже давно утратили свою значимость для организма. Пришлось есть. Оказалось очень вкусно. Таиска нахально наполнила наши бокалы до краев, хорошо хоть тосты толкать не начала, а молча стала заглатывать красное полусухое.

– И долго вы были м-м-м... знакомы?

– Чуть больше полугода, – Шведов ел красиво, благородно, но совсем при этом не обращал внимания на еду, так, просто забрасывал «топливо» в организм. – У нас была самая настоящая хрестоматийная страсть, можно сказать, для меня это было впервые. Разумеется, в моей жизни были влюбленности, даже пара случаев, которые я вполне мог бы назвать любовью, но что бы так...

– Как так? – совсем не к месту встряла слишком быстро слопавшая свой великосветский ужин Тая.

Шведов запустил пальцы в свою густую каштановую шевелюру, секунду помолчал и вздохнул:

– Можно, конечно, все списывать на какую-нибудь химию, физику, но это было что-то невероятное, казалось, она угадывает любые мои желания, способна понять все мои сокровенные чувства, даже те, которые не понятны мне самому.

Заслушавшись, Тайка даже перестала возить хлебной коркой по тарелке. Я глотнула вина и закурила, пытаюсь привести мысли в порядок. Коньяк произвел на Александра свое благотворное действие: черты лица немного смягчились, в глазах появилось что-то живое... и вообще, кажется, дядька он в принципе ничего, невзирая на пальто с шарфом.

– Я сделал ей предложение месяц назад. Это было вполне естественно, мы уже жили вместе, к тому же у нас были общие интересы, общая профессия. Хотя, надо признаться, актриса она была довольно слабенькая, но я не сомневался, что смогу сделать из нее настоящую звезду, у Милы и внешность была, и задатки.

– Она откуда была? Москвичка? – у меня на загривке тихонько шевелились волосы от предчувствия близости сенсационного репортажа. – Родные-близкие у нее есть?

– Ну... что ж, – вздохнул Шведов и щелкнул зажигалкой, – теперь, думаю, уже можно сказать. Дело в том, что Милочка очень болезненно ко всему этому относилась... как бы сказать помягче... к своему происхождению, к месту своего рождения, к родителям ко всему, что связывало ее с прошлым. Она родом из какой-то дыры, кажется из Талдома, родители, вроде, умерли, жила она там, кажется, с братом...

– Что-то вы плохо осведомлены о родне невесты, – опять вставила взбодрившаяся французским вином Тая.

– Говорю же, она не любила вспоминать о прошлом, очень болезненно к этому относилась, всячески хотела стереть всё из памяти, была помешана на нарядах, манерах, все время ей казалось, что она где-то как-то в чем-то да выделяется среди столичной богемы. Я как мог помогал ей справляться с этим комплексом, покупал ей все, что хочет и всячески избегал темы родственников и родины.

– Теперь понятно, – кивнула Тайка, хотя ее в данный момент больше интересовали вошедшие и расположившиеся за соседним столиком господ бизнесмены в количестве двух штук.

– Ясно, – я глотнула вина и отодвинула подальше тарелку с недоеденной рыбой, чувствуя, как нарастает проклятушая тошнота. – Так как же это произошло? Что случилось? Почему она...

– Не знаю, – развел руками Шведов, – пытаюсь и не могу понять. Всё было хорошо и вдруг...

– Вспомните, пожалуйста, в подробностях хотя бы пару последних дней: какое у нее было настроение, что она делала, с кем встречалась, куда ездила?

– К сожалению, меня не было в Москве четыре дня, а до моего отъезда все было прекрасно, как обычно. Но я могу поговорить с отцом, может он что-то знает.

– Конечно, поговорите, это очень важно. А она оставила записку?

– Да, она написала «прости и прощай». Что она имела в виду, я не знаю, прямо водевиль какой-то!

Досада Александра была уже не скрывается, наверное, смерть невесты сильно навредила ему в карьере или бизнесе. Горя этот факт не принес, а вот досады – через край. Александр бросил взгляд на часы.

– Извините, должен бежать. Вас подбросить к метро?

– Мы еще посидим, – я кивнула на свою тарелку с недоеденной рыбой.

– Хорошо, – он полез во внутренний карман пиджака за портмоне, извлек визитку и протянул мне. – Здесь все мои телефоны, звоните в любое время, если что-то узнаете, давайте я и ваши координаты запишу, вдруг что-то всплывет в памяти.

– Ага-ага звоните в любое время! – Встряла Тайка и быстро продиктовала сначала свой телефон.

– Официанту скажите, чтобы все записал на мой счет, – он поднялся из-за стола. – Всего доброго.

– М-да, – Тая задумчиво посмотрела на остатки вина на доньшке бутылки, – вкусно, однако. Давай еще закажем?

– Ты видела, сколько оно стоит? Как раз моя зарплата, – я сунула визитку в задний карман джинсов, куда я складывала обычно все архиважные бумажки, чтобы уж точно никуда не подевались.

– Запишем на счет Александра, – счастливо улыбнулась подруга и, прежде чем я успела вякнуть хоть что-нибудь протестующее, подозвала официанта: – Принесите нам еще такого же винца, и запишите на счет Александра Шведова.

– И соленый огурец, – вздохнула я. Гулять, так гулять.

«Чего Изволите» умчался, а я задумчиво закурила.

– Тай, тебе не кажется странным, что народ поголовно знакомится в ДТП со своими будущими женами?

– Забавное совпадение, – кивнула Тая, наблюдая за приближающимся к нашему столику официантом с подносом в руках. Он поставил перед нами тарелочку с нарезанным соленым огурцом, разлил по бокалам вино и удалился.

– Думаешь – совпадение? Как-то не верится. Давай обсудим все сначала.

Вести расследование в таком богемном местечке под французское винцо с соленым огурцом сплошное удовольствие, что ни говори.

– Помнишь, у театра я тебя просила представить себя на месте Инны Величковской?

– Допустим, представила, – двумя пальцами Тайка держала бокал за стеклянную ножку, оттопырив в сторону мизинец.

– Ты замужем за богатым мужиком, возвращаешься домой раньше времени и застаешь там другую женщину. Твои действия: ты пойдешь с ней в ванную пить шампанское или начнешь ей волосы драть?

– Инна ненавидела своего супруга, – напомнила Тая.

– Но это же не повод обожать его любовницу? Тем более, если ненавидела, значит, жизнь с ним это год за два, если не за пять. Она знала, что ее муженек бабник, причем бабник, который каждый раз женится. Так что, приехав домой и увидав там другую женщину, она должна была на нее с ножом броситься, ведь это ужасно унижительно: ты мучаешься, живя с нелюбимым, а он настолько тебя ни во что не ставит, что таскает девок прямо домой. И где гарантия, что это не очередная будущая супруга, пришедшая тебе на смену? Она здесь поселится, а ты прости – прощай, как ненужная отработанная вещь.

– В принципе, логично, – кивнула Тая. – А Инна еще там что-то бредила на тему, что кроме Алисы у нее никого нет и она ни в чем не виновата.

– Надо обязательно поговорить с Алисой, – я решительно хрустела огурцом. – И с шофером-тезкой Горбачева.

– Это да, это обязательно, – Тая опять наполнила наши бокалы. – Вкусно с огурцом французское вино?

– Я просто от рыбы тошнюсь, а огурец хорошо помогает.

– Значит, не будешь доедать?

– Нет.

– Тогда я съем, можно?

– На здоровье.

Бизнесмены за соседним столиком завершили свою обжираловку и засобирались на выход, даже не попытавшись познакомиться с двумя одинокими леди. Может, их насторожило, что одна огурцом вино закусывает, а другая с ее тарелки объедки выскребает? Кто знает...

– Слушай, а твоя зампредша, первая его покинутая жена не могла отомстить муженьку подобным образом?

– Что-то я себе с трудом представляю, как наша стокилограммовая Алевтина Юрьевна подкрадывается с ножом к экс-супругу.

– Она могла нанять кого-нибудь.

– Мало вероятно. Во-первых, она ужасная трусиха и перестраховщица, во-вторых, давно уже состоит в счастливом браке с очень симпатичным дядечкой на десять лет себя моложе.

– Деньги?

Она дама крайне состоятельная.

– Жаль, что я не знакома с твоей Алевтиной Юрьевной, даже понятия не имею, что она за человек.

– Нет, там точно все чисто, разве стала бы она, задумав убийство на всех углах триндеть о своей неприязни к бывшему? Она бы наоборот говорила, что любит его и все давно простила.

— В принципе, логично. Завтра надо на работе показаться, – вздохнула я, – доложить, что расследование идет по плану.

– Надеюсь, С. С. тебе третье дело не поручит? – хмыкнула уже основательно окосевшая «подруга дней моих суровых».

– Кто знает, с него станется. – Я отправила в рот последний ломтик огурца. – Пойдем домой, поздно уже.

– Как это – пойдем? Я еще не допила! Ты смотри, тут осталось где-то полбокала!

– Хватит с тебя уже. Пойдем, кому говорю, а то вдруг нас заставят платить самим за всё.

Эти слова возымели волшебное действие: Тайка вскочила, едва не перевернув стол, и поспешила прочь из уютного зала с приглушенным освещением.

Глава восьмая

Тайка отправилась ночевать ко мне. Всю дорогу основательно поддатая подруга позорила меня перед пассажирами московского метрополитена. Она громогласно рассказывала мне бородатые анекдоты, сама же над ними хохотала, на ходу сочиняла «невероятные истории из собственной жизни» и пыталась заговорщическим шепотом посвящать меня в эти потрясающие тайны. Но заговорщический шепот у нее все равно не получался – орала пьяная леди на весь вагон. Потом ей взбрело в голову, что нам непременно надо взять еще и шампанского:

– Сенечка, посидим хоть раз в жизни, как белые люди! Свечки зажжем! У тебя есть свечки?

– Есть одна, – я сбросил ее руку со своего плеча, подруга слишком сильно тискала мой скелетик в своих объятиях. – А тебе не хватит на сегодня? Куда еще шампанского-то?

– Да что ты! – рявкнула представительница прекрасной половины человечества. – Я только-только разогналась! Сенька, не будь занудой, давай покуролесим! Один раз живем!

Парочка пьяненьких парней с бутылками пива в руках явно были не прочь присоединиться к «куролесенью», Таисью никак утихомирить не получалось, и я уже настроилась на худшее. Но к счастью объявили нашу станцию, сообщили, что поезд дальше не идет, и я спешно поволокла подругу из вагона на пустынную платформу «Выхино». Маршрутки в такой поздний час уже не ходили, и это означало тягостное, болезненное расставание со стольником, томящимся от одиночества в кошельке. И вообще, мне было холодно и грустно, так весело наклюкаться как Тайка, я почему-то не смогла, напротив, продукция симпатичных картавых французских виноделов кислотно плескалась в желудке, вызывая изжогу и отдаленную головную боль. Что называется: «не пошло»... В горячий душ и спа-а-ать...

Уже у самой остановки я заметила, что чего-то не хватает. Не хватало Тайки, она куда-то подевалась по дороге.

– Черт поberi! – в сердцах выругалась я, озираясь по сторонам. Пришлось идти обратно, высматривая потерявшуюся пьянчужку.

– Та-а-аая!!! – взревела я раненым бизоном. – Ты гдееее?!!

– Здесь я! – от круглосуточной палатки отделился знакомый силуэт и, размахивая двумя бутылками шампанского, поспешил мне навстречу.

– Изверг рода человеческого! – я подхватила ее под руку, чтобы она не дай бог, не шмякнулась вместе с бутылками и поволокла ее к стоянке такси.

Выбор автомобилей оказался невелик: один единственный жутко грязный гроб на колесах неизвестной науке модели. Как правило, владельцы именно таких убогих транспортных средств запрашивают звездные суммы за проезд и не уступают ни копейки. Выломав дверь, я просунула голову в салон и назвала адрес. За рулем сидел совсем молодой парень с таким выражением лица, будто у него только что отняли любимого медвежонка и по этому поводу он собирается поднять рёв.

– Садитесь, – печально кивнул он.

– Сто рублей! Больше нет!

– Садитесь, садитесь.

Звеня бутылками, Таиска укомплектовалась на заднее сиденье, я уселась впереди показывать дорогу.

Слава богу, грустный парень ехал молча, непринужденная трепотня водилы с пассажирами далась бы мне ох как непросто. Мне нужны были тишина и покой, надо было все обдумать по свежим следам, кажется, что-то вырисовывается, главное теперь ухватить... Водитель молчал, но собраться с мыслями все равно не получалось: жить не давала удушающая при-

торно-сладкая вонь, источаемая белой блямбой, болтавшейся на зеркальце. Прищурившись, я прочитала бледную надпись на блямбе: «Кокос».

– Здесь куда?

– Направо. Там потом прямо, потом налево, все время прямо, а там совсем недалеко.

Минут через десять он притормозил у моего подъезда. Угорев от «Кокоса», я расплатилась и полезла на свежий воздух, вытаскивая следом придремавшую в тепле подругу. Победив домофон, победили древний лифт, непонятно как еще работающий и наконец-то попали в квартиру, где нас встретил истосковавшийся по прогулке Лавр. Желания свои он выражал очень бурно, было ясно, что до утра песик потерпеть уже никак не сможет.

– Эх, жизнь моя убогая, тараканами проеденная! – я нацепила Лавруше ошейник и потащила в обратном направлении.

– Лаврик, – скорбно ныла я, чувствуя, как ноги в меховых ботинках постепенно превращаются во что-то большое, безобразное, гудящее, пульсирующее... – ты давай все свои дела по быстренькому сделай, а? И домой пойдем, а то мамочка сейчас подойдет прямо тут, во дворике... Лавричек, ну давай, ка-ка и домой.

Милый пёс оперативно посетил любимые кусты и подбежал ко мне, размахивая хвостом и преданно заглядывая в глаза, мол: «всё, я готов! Так быстро, как только смог».

– Спасибо, родной! Спасибо, золотой!

А в моей квартире жизнь была ключом: Тая уже открыла шампанское, причем сразу обе бутылки, хотя на трезвую голову она панически боялась браться за такое рискованное предприятие, как извлечение пробки из угрожающе шипящей бутылки. На столе горела единственная свечка, припасенная на случай очередного перебоя с электричеством, а подруга моя ожесточенно пыталась выжать музыку из не включенного в розетку магнитофона. Пока я мыла Лавруше лапы и пузо, она все пыталась доломать ни в чем не повинную аппаратуру. Закончив с песиком, я воткнула вилку в розетку, нашла наименее противную радиостанцию, переоблачилась в свой любимый махровый халат, фасона «мишка на пенсии» и, наконец, смогла перевести дух.

– Ну, что, подруга, – Тайка поставила на кухонный стол два бокала, – давай, что ли, за нас!

– Давай, – вздохнула я, зная, что она все равно не отвяжется.

– Знаешь, я что подумала? – подруга залпом махнула бокал и, вспомнив о закуске, полезла в холодильник.

– Что еще? – на часах было начало второго ночи, а на работу надо завтра попасть обязательно... и лезть в душ уже не было никаких сил.

– Наверное, Инна Величковская и эта Шведовская фифа тоже между собой знакомы. Две молоденькие прохиндейки кладут свои глаза... глазья... – Тайка деловито кромсала вареную колбасу, – на богатых бурундуков и таким вот образом с ними знакомятся.

– Это ведь опасно, – я задумчиво разглядывала бокал, – все-таки авария.

– Видать игра стоила свеч, – Тайка бухнула тарелку с колбасой на середину стола. – Хлеб у тебя где?

– Вон, на столе, в пакете. Думаю, ты права, я как услышала, что и со своей красавицей Шведов познакомился в ДТП, так и поняла, что что-то тут не так. Надо обязательно разыскать Алису...

– Как и где? – напивив хлебных ломтей в два пальца толщиной, Тайка уселась за стол и наполнила бокалы. – Выяснить, в каком изоляторе она находится, мы можем только у ментов, которые ее задержали. Если допустить невозможное – мы их найдем, то что мы ответим на вполне логичные вопросы: «А вам это зачем надо знать? Кем вы ей приходитеесь?» Надо поискать ее родственников, знакомых, кого-то кто знал бы о ее местонахождении.

Удивительно, но находясь в состоянии крепкого подпития, соображала и говорила она на редкость связно.

– Надо докопаться до шофера, – подвела она итог, – докопаться и все у него выведать. Они, шоферы, знаешь какие? У-у-у! Они все знают!

Вот так вот, поедая бутерброды с вареной колбасой и запивая их шампанским, мы досидели до половины третьего. Засыпая на ходу, я разложила диван и пока я стелила постель, Тайка пыталась натянуть на своё теперь уже совсем пьяное тело свою личную ночную рубашку, жившую в моем шкафу. У меня в доме вообще полно ее вещей... Укомплектовав подружку к стенке, улеглась с краю, рядышком на полу тут же устроился Лавр. Под его мирное посапывание я и отключилась.

Глава девятая

Пробуждение было ужасным. Грохот будильника долбил мозги до тех пор, пока я не разлепила веки.

– Сена, выруби его, – пробормотала Тая. – Убей!

Приподнявшись, я рухнула обратно на подушку, голова разламывалась от боли. Отыскав на ощупь утреннее проклятье, нажала заветную кнопочку и будильник заглох. Надо было вставать. И идти на работу. Лавруша уже сидел у кровати, дожидаясь законного утреннего моциона, а его непутевая похмельная хозяйка никак не могла найти в себе силы и принять вертикальное положение. Тая лежала на животе неподвижно, уткнувшись лицом в подушку, и признаков жизни не подавала.

Стараясь лишней раз не мотылять головой в разные стороны, я сползла с кровати и осторожно, по стеночке, двинула в ванную. Очень хотелось наполнить раковину ледяной водой, опустить туда совершенно бесполезный предмет на плечах и подержать минут пять... Но воды не было. Никакой. Тихо проклиная Родину, сантехников и провинцию Шампань, я поволоклась на кухню в поисках хоть какой-нибудь жидкости. Слава Богу, немного плескалось в чайнике и всего ничего выдохшейся минералки оставалось в бутылке. Совершив убогонькое омовение и наевшись вдоволь пасты, в попытке хотя бы заглушить мерзостный привкус вчерашнего праздника души и тела, я кое-как облачилась в специальные утренние лохмотья, натрясла по карманам мелочи и поплелась со сладким на казнь-прогулку.

Моей заветной целью был круглосуточный магазинчик в соседнем дворе. Спускать пупсика с поводка я опасалась, кто знает, сколько и каких собачников может оказаться на чужой территории? Лаврик, даром что весил девяносто шесть кг, по натуре добрейший и милейший пёс, если к кому-то подбегал, то лишь с единственным желанием познакомиться или поприветствовать. В нашем дворе его все знали и проблем не имелось, а вот на иной территории могли возникнуть серьезные осложнения: попробуй объяснить перепуганному владельцу какой-нибудь таксы, что этот медведь несется к нему с самыми дружественными намерениями.

Итак, я тащила Лавра на поводке, а песику необходимо было размяться с утрачка, вот он и резвился, мотая меня из стороны в сторону... Страдая от нечеловеческих приступов морской болезни, я достигла таки заветного магазинчика и привязала солнышко у входа. Мелочи хватило аккурат на полтора литра минеральной воды. Вернувшись к Лаврику, я долго, упорно, до вылезания глаз из орбит, пыталась отвинтить крышку на пластиковой бутылке – ни с места! Ну почему на импортных бутылках крышки поддаются небольшому мышечному усилию, и фольга на йогуртах отрывается целиком, ровно, а не рваной бахромой как на наших? Ну почему крышку на нашей бутылке нужно сначала отпилить ножом от этого чертового колечка и только потом она открывает доступ к своему драгоценному содержимому? Над этими острыми, болезненными вопросами я размышляла до самого дома.

В моих апартаментах уже наблюдалось вялое движение: Тайка пыталась привести себя в чувства, но это было сложно сделать, теперь воды в доме не было никакой, даже в чайнике.

– Ох, я умираю, Сеночка! – Застонала зеленая, как первая весенняя травка подруга. – Ох, как же мне плохо! Будто мы с тобой вчера яд пили и скорпионами закусывали!

– Смешать вино с шампанским вполне достаточно. – Я протянула ей бутылку. – На вот, можно умыться и попить.

– Лучше бы ты пива купила.

– Ты бы стала умываться пивом?

На мытье песчих лап меня уже не хватило, я просто протерла Лаврушу по возможности насухо и отправилась на кухню пить таблетки.

– Нет, ну как всё ужасно, плохо и отвратительно! – появилась из ванной Таисия. – Почему воды нет?

– Так бывает, – я грустно хрустела аналгином, – особенно по утрам и вечерам, а днем, когда все на работе, воды хоть залейся. Там минералки на чай хватит?

– Она солоноватая, – в руках подруги подрагивал пластиковый сосуд, – такой чай мы проглотить не сможем. О, Господи, я на грани гибели и полнейшего вымирания!

– Я тебе говорила вчера, «не пей вина, Гертруда.» Так, надо хоть морду лица подкрасить, что ли, а то все собаки разбегутся.

– Ты что, куда-то собираешься, что ли? – Тая присела на табурет и посмотрела на меня слегка запотевшими глазами.

– Да, на работу, а потом расследовать дальше, и не – я, а – мы. Мы вместе.

– Ты что? Да я при смерти! Какая работа? Тем более расследование?

– Тая, надо, значит надо, никого наше гибельное состояние не интересует. Вот таблетка, пей и собирайся.

Пока она, причитая и охая, натягивала шерстяные брючата со свитером, я влезла в свои неизменные черные джинсы, теплую кофтейку, зачесала волосья в хвост, тщательно засыпала пудрой ужасенькую мордашку, нарисовала помадой губки, тушью обозначила ресницы, чтобы было видно, где у меня глаза находятся, и вылила на свитер полфлакона туалетной воды «Назад в будущее», в надежде заглушить выдыхаемое амбре. Как только я вернулась на кухню, Тая сразу же недовольно заскрипела:

– Что это за вонь такая несусветная?

– Моя туалетная вода, подарок, между прочим. И нечего тут!

– Вот уж не знала, что у тебя такие враги имеются!

– Какая ты вредная, ужас.

– Мне плохо! Я не выпалась! А ты меня еще тащишь куда-то!

– Зато вчера было так хорошо – не остановишь. – Я быстренько наполнила миску сладкого сухим кормом и поменяла воду. – Все? Готова? Идем.

Таблетка начала свое волшебное действие, скукоженные мозги постепенно распрямлялись, светлели и начинали заниматься своими прямыми обязанностями. Обувшись, я принялась запаковываться в свой единственный и неповторимый осенне-зимне-весенний прикид: темно-коричневую куртку из искусственной замши с подстежкой из чебурашкиного меха. Тая же, с кислотно-страдальческим лицом, медленно влезла в свою осенне-весеннюю куртку, наверняка, сшитую старательными китайцами из списанного парашюта. Выглядел этот шедевр портновского искусства цвета хаки, а правильнее сказать, «цвета каки», довольно мерзенько, но Тайка утверждала, что за этот, по ее мнению, шикарный пуховик, она отвалила кучу денег и приобрела его едва ли не в бутике.

На улице сверкало солнце, совсем по-весеннему тренькали синички, денёк обещался быть теплым и радостным. Головная боль почти совсем прошла, меня лишь немного тошнило, чуть-чуть мутило и совсем капельку заносило из стороны в сторону, а в остальном, самочувствие было отменным. К сожалению, весенний пейзаж основательно портила недовольная, угрюмая Тайкина физиономия... и я – вот маразм! – чувствовала себя виноватой! Будто это я вчера насильно ее напоила до смерти, а сегодня заставляю асфальт укладывать!

– Тай, как ты себя чувствуешь?

– Отвратно!

– Голова прошла?

– Нет!

Тема была исчерпана. Мы встали на остановке, и я посмотрела на часы, нормально, опаздывала я как всегда в пределах получаса. Нахохлившаяся Тайка куда-то пристально смотрела.

Проследив ее взгляд, я увидела, что предметом такого внимания стал небольшой магазинчик метрах в пятидесяти.

– С тобой пойти или тут подождать? – вздохнула я.

– Тут подожди, – оживилась подруга, – я мигом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.